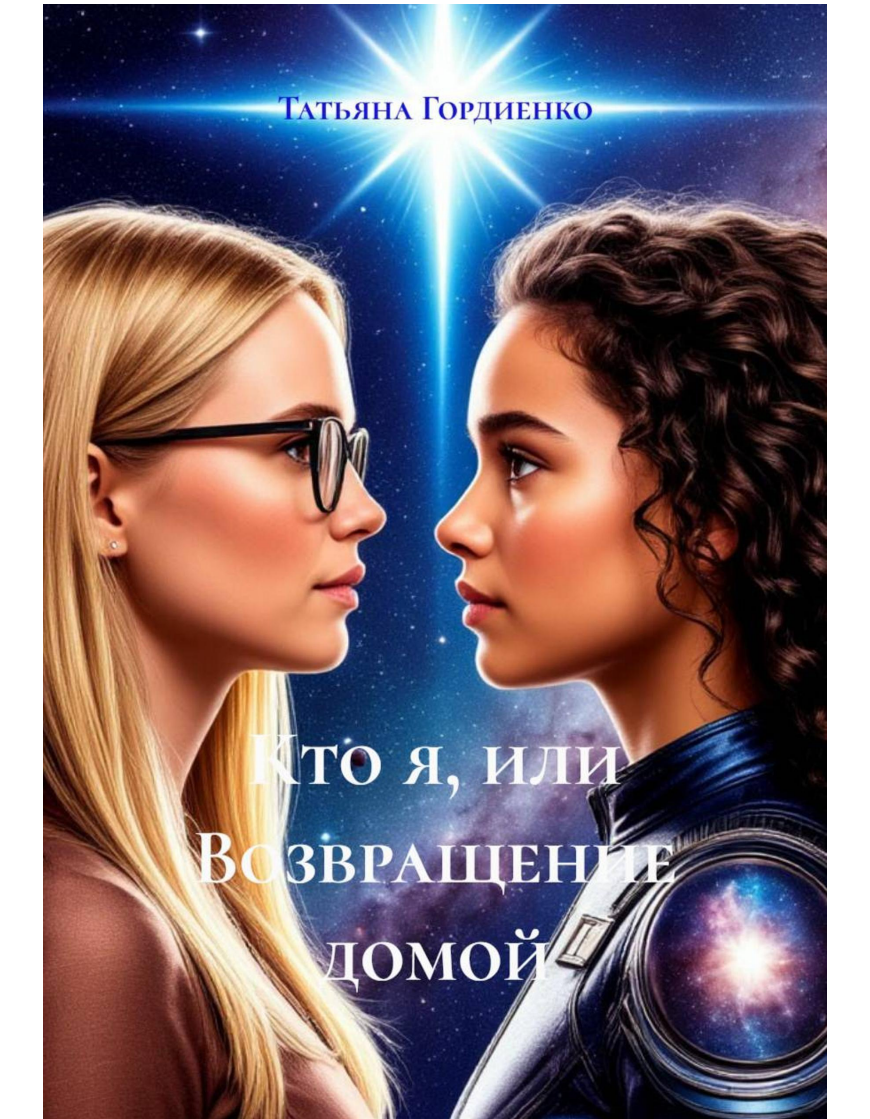

A movie poster featuring two women in profile, facing each other against a cosmic background. The woman on the left has long blonde hair and wears black-rimmed glasses. The woman on the right has dark curly hair and is wearing a blue space suit with a circular visor that shows a galaxy. A bright star with a lens flare is at the top center.

ТАТЬЯНА ГОРДИЕНКО

КТО Я, ИЛИ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОМОЙ

Татьяна Гордиенко

Кто я, или Возвращение домой

<https://litres.ru/74014229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аня видит её во снах - отважную девушку-пилота с лазурными глазами, которая отчаянно пытается спасти свою планету Нирею в созвездии Кассиопеи. Как бы ей хотелось быть такой же смелой, а не запутавшейся в себе трусихой-разведёнкой. Как Аня связана с таинственной ниреянской Джои? И в чём смысл её жизни на Земле? Сможет ли Аня понять, кто она?

Переплетение судеб, встречи и расставания, потери и новые смыслы, поиск себя и своего места в жизни, тайны галактик и связующие нити судьбы. Одни ли мы в необъятной Вселенной?

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Отчаяние	19
Глава 2. Милана	38
Глава 3. Падение	64
Глава 4. Энергия жизни	89
Глава 5. Случайные неслучайности	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Татьяна Гордиенко

Кто я, или Возвращение домой

ПРОЛОГ

Этот день должен был стать самым счастливым и запоминающимся для меня и Адриана — так гласило пророчество.

Я шла маленькими шажками, путаясь в своих мыслях и длинной юбке подвенечного платья. Оно переливалось тысячей белых и серебристых кристаллов, окаймляющих замысловатые узоры на ткани и так непривычно подчёркивающих каждый изгиб моего молодого тела.

Я медленно шла к алтарю, а цвет моих щёк от волнения всё больше и больше приближался к тону моего наряда.

Я осознанно шла навстречу своей судьбе, но не могла унять дрожь в теле, особенно губах, оттого натянуто всем улыбалась, чтобы скрыть это.

Шаг за шагом я двигалась по ковровой дорожке, усыпанной искусственными лепестками моих любимых цветов — космей. Когда-то в детстве я мечтала, что венок из живых космей — символа искренности, чистоты и истинной любви — будет украшать мою голову в этот торжественный мо-

мент. Но живых цветов уже давно нет в нашей галактике Кассиопея, мы сами уничтожили их, как и всё живое в бесконечных войнах за Источник. И только эти, искусно созданные, изящные, невероятно похожие на живые, но бездушные синтетические имитации, напоминающие о былом великолепии своими пёстрыми лепестками, белыми, ярко- и нежно-розовыми, пурпурными, оранжевыми и фиолетовыми, лучше слов говорили мне о том, зачем я здесь. Они напоминали мириады звёзд, окружающих мою родную планету Нирея, ради спасения которой я шла сейчас во дворце Кариадус навстречу неизвестности.

Я старалась, как могла, скрыть своё волнение, но паника неумолимо захватывала меня всю. Медленно, постепенно просачиваясь в каждую клеточку моего тела и разума.

Правильно ли я поступаю? Ещё не поздно всё изменить, отказаться!

На меня со всех сторон с надеждой смотрели тысячи глаз. Тысячи широко распахнутых в восхищении ресниц, обладателей которых я не могла подвести, не могла не оправдать их ожиданий.

А что если они ошибаются, что если это не я, не я та самая, что должна спасти наши миры? Почему я?!

Мысли, как ядовитые змеи, обволакивали моё сознание и ехидно шипели: «Не ты... Не сомневайся, ты всё делаешь правильно...»

Толпа — десятки тысяч жителей планеты Мидас, разного

статуса и достатка, пришедшие увидеть церемонию, от которой зависела их дальнейшая жизнь, — заполонила всю центральную площадь и королевский дворец, ликуя и приветствуя свою будущую принцессу, свою спасительницу. И я была благодарна им: только этот шум возвращал меня в реальность и помогал двигаться вперёд, туда, где меня ждали удивительные, похожие на лазурит глаза, наполненные океаном нежности и любви. Его глаза. Глаза моего Адри. В его чувствах я не сомневалась. Но люблю ли я его по-настоящему?!

Адриан протянул мне руку, и я, оперевшись на неё, вступила на венчальный мостик дрожащей ногой в серебристой туфельке. «Будто хрустальная», — промелькнула мысль, когда я увидела её кончик, сверкающий от яркого света главного зала дворца. Я вдруг вспомнила из детства историю о странной девушке, убегавшей от принца и потерявшей хрустальный башмачок. Откуда я знала эту сказку? Придумала? Слышала где-то? Повзрослев, я перерыла все библиотеки нашей галактики в надежде найти и узнать конец этой сказки, но так и не нашла её истоков.

«Убегая от принца... — пульсировала в голове настойчивая мысль и не давала покоя. — И почему та девушка убегала?.. »

Споткнувшись буквально на ровном месте, я резко пришла в себя. Надёжная рука Адри крепко сжала мою ладонь, не дав мне упасть.

«О чём ты думаешь, Джои? — выругала я себя, возвращая

в реальность. — Назад дороги нет!»

— Джои, с тобой всё в порядке? — с тревогой в голосе еле слышно прошептал Адриан где-то над моей макушкой, потому что был выше на целую голову.

Я всегда удивлялась, как он выбрал меня, такую маленькую, хрупкую, не выделяющуюся особыми формами, среди огромного количества пышногрудых девушек, нагло вешающихся ему на шею, желающих принадлежать целиком и полностью и исполнять любую прихоть. Я же никогда не отличалась покладистым характером или смиренным нравом, чем не раз выводила Адри из себя. Что он нашёл во мне?

Я быстро взглянула на жениха, но не в силах что-либо ответить, только едва качнула вниз головой, как бы подтверждая — да, всё в порядке. Мои руки вспотели, а губы, наоборот, покрылись сухой корочкой. В порядке ли я? Я не знала.

Мы остановились перед алтарём ровно под куполом, уходящим далеко вверх, сквозь открытую нишу которого проникал свет двух солнц, огромного ярко-жёлтого и маленького пурпурного, похожего на прижимающего к своей величественной матери младенца. Я невольно подняла голову и засмотрелась. Это наша двойная звезда Ахирд, моя любимица. Удивительно было видеть её отсюда, с земли, а не из космоса. На моей родной планете Нирея увидеть двойное солнце считалось за счастье. Из-за плотного слоя облаков, покрывающих всю планету вот уже несколько веков, это было невозможно. Некоторым посчастливилось видеть Ахирд лишь од-

нажды, из космоса, а некоторым — ни разу. Сейчас здесь, во дворце Мидаса, свет двух звёзд озарял высокий круглый мраморный столик с ритуальной чашей, украшенной рунами и двумя, сапфировой и рубиновой, спящими змейками, изящно обвивающими её ножку от основания до самого верха. Змейки источали сияние и словно притягивали внимание к себе. Я не смогла устоять перед их зовом и с сожалением оторвалась от тёплого света звезды.

Стоящий по другую сторону алтаря жрец в фиолетовом плаще с глубоким капюшоном, скрывающим лицо, поднял венчальный сосуд вверх, ознаменовав начало церемонии. Все притихли. Я слышала только стук своего сомневающегося сердца. Тысячи взоров, замерев, устремились на нас с надеждой.

— Сегодня, в день, когда наше двойное светило Ахирд максимально приблизит своих звездных братьев друг к другу, энергия богини Чинтах может вновь проснуться, чтобы наполнить жизненной силой наши миры. Согласен ли ты, принц Мидаса, Адриан из рода Кариадус, взять в жены Джои и открыть своё сердце в доказательство искренней любви во имя спасения наших планет, восстановления мира и равновесия?

— Согласен, — услышала я мужественный, уверенный голос любимого и почувствовала, как он крепко сжал мою ладонь в знак поддержки.

— Согласна ли ты, принцесса Нирей, Джои из рода Анаит,

— продолжал нараспев хранитель даров богини Чинтах, — стать верной спутницей Адриана и исполнить пророчество, дабы пробудить Источник жизни?

Я закрыла глаза и лишь склонила голову, соглашаясь. Говорить я уже не могла. Во рту всё пересохло.

— Да свершится воля Прародительницы! О возлюбленные чада богини Чинтах, испейте из чаши Судьбы и скрепите свой союз священным поцелуем! Завершите ритуал слияния двух сердец! И да восстановится мир и процветание наших планет, — торжественно завершил жрец, вручая сосуд моему будущему мужу.

Как только Адриан коснулся чаши, та вспыхнула изнутри золотистым светом. Множество искрящихся частичек воздушным облаком, как звёздная вуаль, вырвалось наружу и окутало ладонь принца. Заворожённая, позабыв обо всех тревожных мыслях, я смотрела, как маленькая рубиновая змейка, вдруг ожила и зашевелилась. Она, медленно извиваясь, отделилась от ножки чаши и заскользила по руке Адриана вверх, направляясь к сердцу и оставляя за собой золотистую сияющую нить. В это время принц поднял сосуд и пригубил венчальный напиток в знак принятия священного дара богини, открывающий его сердце и подтверждающий истинность его чувств ко мне. Змейка доползла до груди и резко пронзила сердце Адриана насквозь, заставив его на мгновение чуть шире раскрыть глаза. Яркая вспышка озарила всё вокруг. Да! Адриан любит меня по-настоящему!

Закончив свою миссию, змейка также не спеша заструилась обратно к чаше, словно каждый день проделывала этот маршрут, обвила её ножку, изящным завитком уложила свой хвостик на основание, а головку — на стенку сосуда прямо напротив принца и снова застыла, сверкнув на прощание красным глазком. Восхищенный вздох толпы волной пронёсся по дворцовому залу.

Незримую нить Судьбы, что оставила за собой рубиновая проводница богини, можно было увидеть воочию только единожды, в момент церемонии бракосочетания. Она свидетельствовала чувства новобрачных, соединяя их навеки. Раньше, как я читала в учебниках истории, так случалось с каждой искренне любящей парой на наших планетах до тех пор, пока Прародительница не отвернулась от нас.

Когда-то давно, в момент зарождения планет, Мидаса и Нирей, богиня Чинтах даровала нам источник всего живого, разделив его поровну и поместив в два кристалла, сапфировый и рубиновый. Половинка Чин — синяя мягкая женская энергия — досталась моей планете Нирея, превратив её в зелёный оазис, окруженный озёрами, реками и морями, а Тах — красная огненная мужская сила — воздвигла на Мидасе могучие горы, наполнив их ценными рудниками и окружив величественными бескрайними лесами, богатыми дичью. Обе планеты в маленькой галактике Кассиопея славились особым изобилием воды, полезными ископаемыми, флорой и фауной, благодаря этим кристаллам. Многие при-

летали сюда, чтобы насладиться птичьим пением в цветущих долинах Нирей, восстановить силы и внутреннюю гармонию, исцелиться в её священных водопадах или почувствовать дух свободы на вершинах Мидаса, вдохнув его удивительный воздух, дарующий мужественность и уверенность в себе, изобилие и процветание.

Каждому жителю планет звёздной системы Ахирд вместе с природными дарами досталась способность чувствовать энергию друг друга через золотистые нити, найдя свою пару. И где бы влюблённые не находились, стоило им лишь закрыть глаза и обратиться к внутреннему взору, как искрящаяся золотая дорожка указывала, где находится и что чувствует его половинка. Они не читали мысли друг друга и не злоупотребляли доверием, но могли ощущать боль и радость, переживания и восторг партнёра без слов, лишь взглянув в любимые глаза напротив или доверившись внутреннему чувству единения.

Все знали об этом по рассказам предков, но наяву уже давно никто не видел священных нитей и не мог ощутить сакральный союз внутри, как никто уже и не верил, что наши планеты были когда-то изобильны и полны жизни. Реки на Нирее иссохли, моря напоминали жалкие токсичные лужи, в которых больше не было жизни, а водопады я видела только на голографических страницах учебников. Как же были прекрасны эти низвергающиеся потоки воды! Сколько в них мощи и грации одновременно!

Растений и животных мы не видели уже очень давно. Лишь редкие насекомые или случайные следы мелких пресмыкающихся, что предпочитают проводить свою жизнь в недрах земли, изредка каким-то чудом попадались в поле зрения рейнджеров, ищущих источники воды. Но все эти находки, скорее, намекали на то, что где-то ещё существует жизнь, которую мы же и погубили. Небо, вечно затянутое облаками, не пропускало солнечный свет — о том, как выглядят закаты и рассветы, встречающиеся с гладью воды, я знала только из архивов, хранящихся в нашей дворцовой библиотеке в разделе «Память предков». Сотни раз я просматривала эти кадры, мечтая когда-нибудь увидеть восход Ахирда собственными глазами.

Остатки растений, зверей и птиц учёные сохранили в искусственных садах и теплицах под куполами наших стеклянных городов. Сотни тысяч прозрачных полусфер покрывали поверхность Ниреи, как огромные мыльные пузыри, защищая жителей от отравленного воздуха. Уровень кислорода в нём достиг уже критических десяти процентов, дышать вне сфер без масок нирейяны больше не могли. Все усилия самых светлых умов планеты были напрасны. Без источника энергии Чин, растения чахли даже под искусно созданным подобием солнца, животные перестали размножаться. Искусственно выведенные особи умирали через год после рождения. То, что с большим трудом удалось спасти учёным под куполами, хранилось как драгоценный дар в надежде на

возвращение Источника, за который мы сражались со звёздным соседом уже не первое столетие.

На планете Адри, Мидасе, было не лучше, о былом величии напоминали лишь гордо возвышающиеся голые скалы, иссушенные зноем и местами уже полуразрушившиеся. Потрескавшаяся земля вокруг и ни одного деревца. Животных и тут давно никто не видел. Но в отличие от Нирей здесь не было облаков, а, напротив, — вечно палящее солнце, которое загнало всех жителей под землю. Их города представляли собой разветвлённую кротовую нору со множеством переходов. И только огромный королевский дворец, постоянно окутанный защитным экраном от светила, пожирающего всё живое, продолжал величественно возвышаться на поверхности, как символ былого могущества, как напоминание о прошлом и как надежда на будущее. Дышать на поверхности Мидаса, вне дворца, как и на Нирей было совершенно невозможно без кислородных масок.

Мы просили помощи у более могущественной цивилизации в галактике Андромеда, но они решили не вмешиваться. Мы сами должны были решить свою судьбу: научиться сосуществовать в мире друг с другом или умереть. Пока же мы настойчиво приближались ко второму варианту, не в силах преодолеть ненависть. Каждая сторона винила соседа в утрате Источника жизни, никто не знал, куда он исчез и где его искать.

Пророчество гласило, что только любящие сердца двух

королевских династий Анаит и Кариадус с враждующих планет, нарушивших равновесие, соединившись, смогут восстановить былое плодородие земель и равновесие сил. Но никто уже в это не верил. Наши миры несколько веков враждовали между собой, и ни одна царственная особа из противоборствующих сторон не соглашалась сочетаться браком со своим врагом. Вернее, были попытки договорных союзов, но обмануть Богиню невозможно — никому ещё не удалось исполнить пророчество.

Так, год за годом, все перестали надеяться, и пророчество превратилось в сказку. Но мы с Адри продолжали верить, что эту бессмысленную войну и разрушение планет можно остановить и возродить источник Чинтах. Получится ли у нас?

Улыбаясь и глядя на меня восторженным взглядом, Адриан протянул чашу. Его крепкие мужественные руки всё ещё были окутаны сияющей дымкой, но они не дрожали в отличие от моих. Я замерла на мгновение, увидев изображение космеи, выгравированное на дне. Цветок вновь вспыхнул, залив золотистым сиянием с тысячью мерцающих частиц моё встревоженное лицо и всё вокруг.

«Как бы я хотела увидеть настоящую живую космею хотя бы раз в жизни!» — Эта мысль придала мне уверенности, и я решительно приняла ритуальный кубок.

Маленькая сапфировая змейка, ожидавшая своего часа, будто нехотя зашевелилась, сверкнула синим глазком и плав-

но устремилась уже по моей руке прямо к сердцу. Значит, и мои чувства к Адри такие же искренние и чистые?.. Я выдохнула и прикрыла глаза, ощущая разливающееся по жилам тепло и наблюдая внутренним взором за искрящейся струйкой, запоминая, как она выглядит. В памяти всплыли рассказы матери о том, что золотая нить живая, наполненная тонкой энергией мироздания — праной, которой пронизана вся Вселенная. Она — само дыхание Жизни. И сейчас я стала свидетелем превращения легенды в реальность, окутывающую моё сердце. Это всё-таки правда!

Яркая вспышка! Я замерла на мгновение, широко распахнув веки от пронзающей меня, словно стрела, энергии Чин. За долю секунды передо мной пронеслась вся история нашей планеты с момента её создания. Казалось, я чувствовала и слышала голоса всех её обитателей, когда-либо существовавших. Я ощутила себя единым целым со Вселенной.

Миг — и всё прекратилось, оставив во мне отпечаток великого творения.

Я — часть Вселенной! И она во мне! Теперь я поняла, почему глаза Адри так восторженно светились, когда он передавал мне чашу. Он тоже увидел это!

Исполнив свой долг, змейка покорно вернулась на прежнее место и замерла, подмигнув напоследок и мне, а золотистые нити продолжали струиться по венам, чуть покалывая кожу и будто встраиваясь в мою ДНК. Они оплели меня всю, как лианы, а потом неожиданно устремились навстречу

к Адриану. Его прана уже ждала мою, чтобы слиться высоко над чашей в замысловатый узор, точно повторяющий её очертания только в виде светящейся проекции. Струйки то и дело сверкали, соприкасаясь друг с другом, глаза пространственных змеек поблёскивали то рубиновым, то аквамаринным светом, а я ощущала внутри все их движения, тягуче перетекающие одно в другое, как свои собственные. Я видела, как в унисон с нитями сияют ярко-синие глаза напротив, источающие вселенскую любовь, — и от этого мне становилось ещё хуже.

Что же я делаю? Зачем?

Между тем, из цветка со дна сосуда поднялись два кристалла, такого же цвета, как сверкающие змеиные глазки, рубиновый и сапфировый. Могу поклясться, что ещё минуту назад их там не было! Кристаллы на мгновение зависли в воздухе, а потом поплыли выше, плавно ложась в переплетение наших золотистых лиан, как в гигантский кулон, обволакивающий их со всех сторон.

Наблюдавшие за этим зрелищем мидасцы восхищенно ахнули. По залу покатилась волна шепотков: «Правда! Это всё правда! Мы спасены!».

Но правда ли это?

— Возлюбленные чада, Адриан и Джои! — вновь как гром обрушился на нас голос жреца. — Завершите ритуал, соединив свои уста, и да свершится воля Прародительницы!

Все вновь замерли — время словно остановилось. Только

два ярко-синих бездонных океана напротив, вечно утягивающих в свою глубину, всё ещё заставляли меня колебаться: что я же делаю? Ещё мгновение, и я не смогу решиться...

Этот поцелуй должен был соединить нас вместе как мужа и жену, дабы энергии воспаривших кристаллов слились воедино, образовав один, фиолетовый, тот самый, божественный, что дал начало жизни нашим планетам. Именно этого все ждали, надеялись. А я... Могла ли я обмануть их надежды?..

В момент, когда Адри приблизился к моим губам, вместо ответа, я с тоской и отчаянием взглянула на него в последний раз и, решительно раскусив капсулу, спрятанную заранее за щекой, тихо, почти одними губами прошептала:

— Прости...

Адри мгновенно всё понял, увидев, что я стала терять сознание.

Порой мне кажется: он знает меня лучше, чем я сама себя. Опять это «кажется»...

Принц отбросил чашу в сторону, разрушив тем самым магический узор. Кристаллы тут же исчезли, зал наполнила очередная волна вздоха сначала с нотками непонимания, что происходит, а затем возгласами возмущения и разочарования. Не обращая на них внимания, Адриан подхватил меня на руки и крепко прижал к себе, зашептав на ухо:

— Зачем, Джои? Зачем ты это сделала, глупенькая?! У нас бы всё получилось!..

Но его слова доносились уже совсем гулко, как под водой. Моё тело слабело на глазах, говорить я больше не могла, и только губы слегка подрагивали, пытаюсь вновь и вновь сказать «прости», а по щеке побежала одинокая слеза.

Жалела ли я о содеянном? Нет... Я не могла поступить иначе...

— Что же ты наделала, глупенькая... Что же ты наделала... — продолжал сокрушаться Адри, целуя мои глаза, нос, лоб, щеки.

Спустя ещё несколько бесконечных секунд мои руки стали безвольно мотаться из стороны в сторону как плети, давая понять, что меня куда-то быстро несут. Затем резкая остановка и острая боль. Яркий свет ворвался сначала в один зрачок, затем в другой. Калейдоскопом мимо стали проплывать лица: заплаканное — мамы, напряжённое — отца, испуганное — сестры Аиши и растерянное — Адри.

Последнее, что я ощутила и запомнила перед тем, как проваливалась в темноту, что моё хрупкое, почти безжизненное тело положили на что-то твёрдое и холодное и, не нащупав пульс, констатировали... смерть.

Глава 1. Отчаяние

— Мама... Где ты?!

Громкий зов заполнял всю комнату и врезался в сознание, раздражая и одновременно являясь единственным спасением.

— О-о-о, — простонала я, натягивая подушку на голову.

— Опять этот сон! Ну сколько можно?!

Перевернувшись на спину и уставившись в потолок уставшим взглядом, я ощутила, как бешено колотится сердце, а по телу бегут мурашки от нарастающего чувства тревоги, неумолимо разливающегося вокруг.

— Почему ты мне снишься вновь и вновь, что я должна понять? — сжав в кулаках одеяло, закричала я, заранее зная, что мне никто не ответит. — Кто ты? — раздражённо бросила я вновь в ускользающую пустоту сновидения.

Я не ждала ответа, скорее это был вопль отчаяния и злости, потому что вот уже вторую неделю моё утро начиналось одинаково. Ярко-голубые глаза девушки, что-то ищущие в пространстве, её вопрошающий возглас, заполняющий каждую клеточку моего мозга тоской и желанием разорваться на мелкие части, яркий свет и ощущение падения куда-то в пустоту... Всю жизнь ненавидя будильник, сейчас я благословляла его существование, потому что только он мог прервать череду этих кошмаров.

Ещё неделю назад я не придавала особого значения этим видениям, списывая всё на усталость. Чего только не прикинешься, когда весь день пашешь на работе, а потом полночи читаешь фантастику, чтобы убежать от однообразной монотонной реальности и бумажной волокиты.

Я работаю секретарём в маленькой конторе по банкротству, и помимо ведения делопроизводства на мне и кофе, и почта, и организация встреч, и ведение реестров арбитражных управляющих. Все, кому я рассказываю о своей организации, считают, что мы банкротим предприятия. О, если бы! С этой функцией они прекрасно справляются самостоятельно. Мы же, напротив, пытаемся вытащить должников из их печального состояния. Но вытаскиваться оттуда они упорно не хотят. В итоге — бесконечные судебные заседания и всевозможная бюрократическая волокита. Одно и то же день за днём, только названия обанкротившихся контор меняются. Всё это уже сводит меня с ума, как и бесконечные переговоры и грязные чашки. Но уйти я не могу. После того как я снова решила на развод, — это единственная возможность прокормить себя. Мне никак не везёт с мужьями: первый ушёл к моей однокурснице, а от второго я ушла сама, потому что работу он любил явно больше, чем меня.

Почему так получается? Может, я бракованная какая-то? Что со мной не так? Как к двадцати девяти годам я умудрилась уже дважды развестись, но ни разу не почувствовать себя по-настоящему счастливой в браке? Может, я слишком

влюбчивая или доверчивая, или просто наивная дурочка в розовых очках и в прямом, и в переносном смысле, мечтающая об идеальной любви и отношениях? Кстати, может и правда, сменить оправу на кроваво-красную или обсидиановую?! Или с черепаховым дизайном? Буду, как роскошная хищница, завсегдатая модного дома Бонне, дерзкая и меняющая мужчин как перчатки. Хотя с последним я вроде и так прекрасно справляюсь.

От осознания этого хотелось и смеяться и плакать одновременно. Но, хвала вселенной, повторный звонок будильника вырвал меня из мира фантазий и печали, а также напомнил, что обладательницы оправ из панциря черепахи биссы сейчас безмятежно нежатся на шёлковых простынях где-нибудь на Бали, а не пытаются стащить с постели свою тушку в холодной дождливой Москве, чтобы отправиться на работу. Моей зарплаты хватит лишь на винтик от таких очков.

Чтобы не думать о своём плачевном финансовом состоянии, я переключилась на мучивший меня сон. Что же это за черноволосая девушка, и почему она постоянно снится мне? Может, это всё же разыгравшееся воображение? Или всё-таки банальная усталость? Могла ли я где-то её видеть? И почему она зовёт мать, не маленькая вроде? Лет двадцать точно. Хотя при мысли о маме и на моих глазах наворачивались слёзы. А я ведь точно не маленькая уже. Мама... Как же рано ты ушла... Нет, всё, хватит хандрить.

Полежав ещё пару минут и стряхнув со вздохом ночной морок, я поплелась в ванную, чтобы хоть как-то взбодриться.

— Может, и правда, начать по утрам заниматься дыхательными практиками, как советует Светка? — спросила я у хорошенькой голубоглазой блондинки в зеркале. — Возможно, хоть это поможет снять напряжение? — по привычке вслух продолжала рассуждать я, включая душ на полную мощность.

Я давно жила одна, и чтобы не сойти с ума от давящей тишины, разговаривала в полный голос с самым лучшим своим другом — с собой. Тёплые струи стекающей воды согревали каждую клеточку моего стройного и пока ещё молодого тела, даря покой и расслабляя голову. Этот ежедневный утренний ритуал был единственным, что могло привести меня в чувство после очередной тревожной ночи. Ну, не считая кофе, конечно, который уже стал неотъемлемой частью моей жизни, как способность дышать или хохотать. Этот бодрящий напиток, как и мой смех, всегда были со мной. Хотя про последнее уже, пожалуй, так не скажешь. Как же давно я не смеялась! А ведь ещё в начальной школе учительница восхищалась моей улыбкой и ямочкой на щеке. На одной. Что меня всегда смущало. Как будто скульптор, что ваял мою физиономию, отвлёкся и по возвращении забыл закончить начатое. Даже в этой маленькой детали я была какая-то недоделанная! «Дырявая», — так часто называла я себя в мыслях. Дырявая щека, дырявая голова, которая постоянно что-

то забывает, дырявая женская судьба. Да ещё и эта незнакомка из сна с тревогой на лице. Как будто мне своих неприятностей не хватает. Нет, надо что-то с этим делать. Может к врачу сходить или к психологу? Пожалуй, стоит с девчонками посоветоваться.

За тревожными мыслями я не заметила, как вышла из ванной, машинально выпила кофе, машинально оделась, машинально накрасила ресницы (тушь — это единственное, что я признавала из всей косметики, ну, пожалуй, иногда ещё губную помаду) и, машинально накинув короткую кожаную куртку, выбежала на работу.

На улице накрапывал противный октябрьский дождь, покрывая голову и очки мельчайшими капельками. Но возвращаться за зонтом уже не было времени. С утра надо было успеть забежать на почту, забрать письма для офиса и, доехав до работы, зарегистрировать их к приходу шефа, чтобы он смог всё просмотреть до начала переговоров. Намотав шарф почти по самую оправу и нахохлившись, как воробей, я включила свой внутренний пропеллер и понеслась навстречу очередному однообразному дню, надеясь не поскользнуться на мокром асфальте.

Осенняя погода в этом году раздражала меня своими хмурыми утрами, вечной влагой и назойливым пронизывающим ветром, который так и норовил залезть в любую щёлочку под одежду и превращал мои и без того непослушные длинные пряди в запутанную светлую копну. Я всегда с завистью

смотрела на девушек с прямыми распущенными волосами, у которых каждый волосок был будто примагничен к своим собратьям, и никакое дуновение не могло нарушить их безмятежность. Как им это удаётся? Моя же вечно лохматая шевелюра взидала на них с недоумением. Вот и сейчас очередной порыв заставил мои прядки танцевать твист на пару с парящими листьями, закрывая мне и без того плохой обзор из-за мокрых стёкол очков и делая меня похожей на медузу-горгону.

День не задался с самого начала: на ступеньках своей конторы я всё-таки упала, наступив на ярко-жёлтый символ осенних вихрей и взлетев с ним, к счастью, не в небеса, а лишь на пару сантиметров над землёй и приземлившись прямо на коленки. Хорошо, что ногу не сломала. Зато умудрилась обронить очки и все письма.

— Чёрт, чёрт, чёрт... — зло выругалась я, почувствовав резкую боль в левой лодыжке. Вероятно, всё-таки подвернула конечность и, скорее всего, порвала колготки. Но кому до этого дело, надо почту спасать, иначе получу нагоняй за опоздание и грязные бумаги.

Не поднимаясь, я стала активно шарить руками по мокрому асфальту в поисках своих окуляров. Без них я, как слепая мышь, ничего не найду, хотя последнее время мне так хотелось ничего не видеть, что творится вокруг. Хотелось — получай! Как говорится: бойся своих желаний.

— О, какая вкусная попка! — услышала я слащавый голос

со стороны. — Анна. Это новый способ привлечения клиентов в нашу контору?

Я подскочила как ужаленная, отчего слащавый захохотал в полный голос. Сосредоточившись на поисках, я совершенно забыла о своей короткой юбке. Щуриться и пытаться разглядеть смеющуюся рожу не было никакого желания, и так понятно, кто это — Георгий из юридического. Вечно задирает меня своими мерзкими шуточками и скабрёжными намёками.

— Кто следующий? — как-то спросил он почти шёпотом, дыша мне прямо в ухо и прижимая к стене в коридоре, прознав, что я в очередном разводе. — Может, я?

— Боюсь, что лимит на уродов у меня исчерпан, — растянувшись в кривой улыбке, так же тихо произнесла в ответ.

— Посмотрим, мышонок... — продолжил он, поглаживая моё бедро и игнорируя мои слова.

Затем резко отстранился, послал воздушный поцелуй и, заржав, как конь, удалился. Я долго потом не могла отделаться от мерзкого ощущения его касаний. Ну почему я всегда цепенею в такие моменты? Ненавижу себя за это.

Вот и сейчас вместо помощи сказал гадость и прошёл мимо, демонстративно хлопнув дверью. Придурок! Лучше бы очки помог найти. Чтоб тебя...

Неприлично выругавшись вслед, я скривилась: найти бледно-розовую оправу на сером асфальте без посторонней помощи при моих минус шесть практически невозможно.

Слёзы от обиды и злости застлали мои и так ничего не видящие глаза. Не успела к горлу снова подкатить жалость к себе, как прямо перед носом появилось тёмно-синее пятно и заговорило глубоким бархатным голосом:

— Не стоит красивой девушке так расстраиваться по пустякам.

Сильно щурясь, я уставилась на протянутую руку с моей оправой, потом на говорящего, но, кроме расплывшейся картинки, ничего не узрела. Пока я пыталась проморгать слёзы и надеть очки грязными трясущимися от злости на Гошу и на себя руками, незнакомец развернулся и ушёл.

— Спасибо... — запоздало крикнула я вдогонку его скрывающейся за углом синей спине.

Ну вот, опять. В каком-то веке кто-то помог, а я вместо благодарности снова впала в ступор. Вот почему грубость и упрёки сразу находят во мне отклик в виде ругательств или колких словечек, а доброе отношение повергает в замешательство?

Потирая то ушибленные колени, то ноющую лодыжку, я собрала все письма и направилась в офис. Колготки были безнадёжно испорчены, как и моё настроение.

День прошёл как всегда в суете, не оставив во мне никаких положительных эмоций, а потому, чтобы хоть как-то скрасить его окончание — благо сегодня была уже пятница, — я позвонила своим подругам, которых знала со школьной скамьи, Свете и Кате, и договорилась о встрече после работы в

нашем любимом кафе.

Зайдя в дамскую комнату и уединившись по своим делам, я вдруг услышала тихие стоны из дальней кабинки. Сначала напряглась: вдруг кому-то стало плохо. Но когда стоны участились, залилась краской то ли от стыда, то ли от возмущения, то ли от зависти. Секса у меня не было уже больше года, несмотря на то, что официально развелась я всего месяц назад. Мой бывший муж предпочитал обнимать подушку после очередного заседания научного совета: работа была его настоящей любовницей и женой. Честно говоря, мне уже давно не хотелось близости от глубокого разочарования в мужчинах, в себе, как в женщине и в несостоявшейся матери. И только сейчас, в это самое мгновение, я поняла, как истомилось моё тело по ласкам.

— М-да, дорогая, — зашептала я своему отражению в зеркале, выйдя из кабинки и уперевшись руками в раковину, — ничему-то тебя жизнь не учит. Однажды ты вот так же повелась на свои гормоны, приняв их за истинные чувства. И что из этого вышло? И как вообще отличить страсть от любви?

Неожиданно полившаяся из крана горячая вода остановила мой бессмысленный внутренний монолог и вернула в реальность. Под активное сотрясание дальней дверцы я поспешила покинуть уборную с ощущением какой-то грязи внутри.

«Нет, туалет не место для любви», — с этими мыслями и

озадаченным лицом я вернулась за столик к подругам.

— Что-то случилось? — спросила Катя, а Света удивлённо подняла брови.

— Случилось. И уже давно, — в сердцах выпалила я. — Девочки, вот что со мной не так? Почему мне по жизни встречаются одни козлы?

— Ты это про Дэна или Славика? — с ехидной улыбкой уточнила Катя, имея в виду моих бывшей мужей.

— Про обоих, да и вообще про мужиков. Чего им от нас надо? Я в лепёшку готова была расшибиться, чтобы угодить Денису, чтобы быть для него самой привлекательной и сексуальной. Ползарплаты спускала на кружевное бельё и эротичные сорочки. А через год после свадьбы узнала, что такие же сорочки он снимает с плеч моей однокурсницы... Похотливый кабель!

Девчонки притихли, давая мне возможность выпустить пар. С Дэном мы развелись семь лет назад, а я всё ещё пыхтела как чайник от несправедливости и обиды.

— Вот и сейчас в туалете, прижавшись к холодному кафелю или грязному унитазу, уж не знаю, какая-то дурочка отдаёт себя ради чего: любви, банальной похоти или желания показать мужчине, что на всё готова ради него?! Разве так проявляются настоящие чувства?! — Мой голос дрожал, а щёки пылали праведным гневом.

— Тише, тише, — зашикала Катя. — Вон, на тебя уже оборачиваются.

— А может, я просто романтическая дура, — шмыгая носом, уже значительно тише продолжила я, — и каждый раз наивно полагаю, что любовь — это что-то возвышенное и навсегда?! Что это не перепих, где попало, а акт чего-то прекрасного и вечного?!

— Ань, ну перестань на себя наговаривать, никакая ты не дура, просто не повезло. Мало ли мужиков, встретишь ещё того самого, единственного, — закатив глаза, беспечно сказала Катя. Она относилась к браку намного проще, не считая вообще надобности вступать в него.

«Зачем себя ограничивать одним мужчиной, когда столько красавчиков вокруг», — говорила она каждый раз с довольной улыбкой, выходя из спортзала, где работала тренером, и кокетливо поправляя топик на пышной груди.

Я её не понимала. Для меня мужчина должен быть один, и только мой, моя половинка, как говорят. И ради этого я готова была подстраиваться под ритм жизни и интересы своих партнёров, ходить к их друзьям в гости и долго слушать разговоры, в которых я ничего не понимала, улыбаясь и делая вид, что увлечена интересной беседой. Я искренне хотела быть нужной, вовлечённой в их жизнь, поддерживать, помогать, понимать. И у меня получалось всё, кроме понимания. Я хохотала над тупыми шутками первого избранника в очередной разбитной компании в баре и строила умное лицо в профессорском кругу второго, деловито поправляя очки, чтобы только не выпасть из общей картины его друзей, —

но в обоих случаях ничего не понимала. Помогло ли мне это удержать своих мужчин? Нет.

Как-то на одной из вечеринок я впервые застучала своего первого мужа Дэна, вернее, его руку, скользящую под столом по бедру моей согруппницы по универу. Тогда я списала это на ошибку. Мол, выпил и не сразу сообразил, что мои ноги с другой стороны, ведь он так любил их гладить, когда мы встречались ещё до свадьбы. Я всегда гордилась своими ногами «от ушей» — как говорила мама — и не стеснялась показывать их при любой возможности, подчёркивая мини-юбкой или обтягивающими джинсами. Тогда мы быстро замяли этот инцидент, поскольку я тоже была не совсем трезвой, к тому же умопомрачительное соитие после затмило всё. С кем не бывает? Я тоже любила пострелять глазками, замечая мужские взгляды на своей неменьшой груди или стройных бёдрах, но никогда не позволяла себе зайти дальше гляделок. Никогда, пока я не выбрала для себя мужчину. Только после этого я разрешала касаться себя, и только ему.

Второй раз я застала своего муженька прижатым уже всем телом, а не только ладонью, к другой девице. И где? В туалете! В порыве страсти они забыли защёлкнуть дверцу, чем помогли мне расщёлкнуть мои мозги и очнуться. На этот раз я не стала слушать оправдания и сразу подала на развод. Благо ни детей, ни совместного имущества мы не успели за год нажить. Да и юношеский максимализм позволил мне тогда, в двадцать два года, сделать это быстро и решительно. Правда,

после развода моё тело, изнашивающее без близости, ещё долго рождало внутри сомнения по поводу моей решимости. Ведь любовником Дэн был отменным, чего скрывать. А может, это я ещё была неопытна? Ведь он был первым и единственным моим мужчиной, и сравнить мне тогда было не с кем.

— А как узнать, что он тот самый? — продолжила я рассуждать уже вслух. — Сначала я думала, что в браке главное — регулярное поддержание страсти, чтобы у мужа и в мыслях не было желания посмотреть на кого-то ещё. Я старалась не появляться перед Денисом в растянутой футболке, лохматой или без косметики и даже на ночь не смывала тушь.

— Вот ты его и избаловала, подруга. С твоими-то идеальными бёдрами и ростом могла бы поискать себе мужика и получше, а не бежать под венец с первым встречным, — заметила с укором Катя.

Я знала, что она завидует моей внешности и ногам, ведь на тренировку и похудение своих у неё ушёл не один год. Ещё со школы она переживала по этому поводу. Я ей только сочувствовала, видя, как она изводит себя диетами и упражнениями, чтобы убрать целлюлит, который почему-то появился у неё ещё в шестнадцать лет. Я же ела, что хотела, когда хотела и в любых количествах, и ни о каком фитнесе даже и не думала. А что такое целлюлит, не знаю и сейчас.

— Да, ладно тебе, Кать. Ты же помнишь, как Аня влюбилась по уши, да и у Дэна глаза светились от счастья. Все девчонки на последнем курсе колледжа им завидовали. Кто ж

знал, что так всё обернётся? — вступилась за меня Света, приобнимая за плечо. — У тебя ж у самой глаза тогда блестели при виде этого зеленоглазого блондинчика, — продолжила она, пихнув Катю под бок свободным локтём. Та зарделась и с ухмылкой ответила:

— Вот ещё. Я всегда вам говорила, что из красавчиков не получаются порядочные мужья. — Катя повернула голову в сторону от нас, показательно вздёрнув свой и без того курносый носик.

— Это поэтому ты встречаешься только с красавчиками? — поддела её в ответ Светка, еле сдерживая улыбку. — Чтобы замуж не выходить?

— А что я там забыла? — с новой силой завелась Катя и нервно потянулась за сигаретами. — Гору немытой посуды, глажку рубашек и быстрый секс по ночам, раз в неделю в лучшем случае? А после — счастье в виде пелёнок и синяков под глазами от усталости? Или от лицезрения обвисшей груди? — Она сделала пару затяжек, помолчала, глядя отрешённо вдаль, и, выпустив пару колечек дыма, зло продолжила: — Нет, девочки, вы как хотите, но это всё не для меня. Быть с одним мужиком скучно и хлопотно.

Мы не стали ей перечить, каждый задумался о своём под звуки баллады *NothingelsemattersMetallica*¹, так кстати разносящееся по залу:

¹ Nothing else matters — название баллады «Остальное неважно» американской группы Metallica (пер. с англ. языка):

So close no matter how far.

Couldn't be much more from the heart.

Forever trusting who we are,

And nothing else matters.

Каждый из нас тайно мечтал о такой искренней любви сквозь годы, обстоятельства и время, но такие отношения строятся на понимании и доверии к партнёру, а о доверии в моих браках не было и речи.

Новая волна слёз уже подкатила и замутила взор, как вдруг наше всеобщее молчание нарушил Катькин телефон. Она, быстро затушив сигарету, промурлыкала в трубку:

— Уже бегу, Котик.

— Что? Очередной индивидуальный жаркий фитнес на дому?! — спросила Света.

— Хорошо оплачиваемый фитнес, хочу заметить, с бонусом на Мальдивах! — сделав акцент на последнем слове и быстро покидав свои вещи в сумочку, парировала Катя. Уже натягивая куртку, она добавила: — И никакой грязной посуды!

— Её Котик вылизывает? — с невинным видом спросила я, едва сдерживая смех и одновременно смахивая накатившиеся слезинки. Хватит. Пора брать себя в руки.

На моих словах подруга напряглась и ехидно ответила:

— Не завидуйте, девочки... — Резко развернувшись на высоких каблуках, она помчалась на встречу со своим «питомцем», а мы со Светкой расхохотались.

Я смеялась долго, громко и до слёз, сгибаясь пополам и не в силах успокоиться, понимая, что вовсе не Катя тому причина, а накопившееся напряжение, обида на мужчин, на себя и беспокойные ночные сновидения. Всё это требовало выхода, особенно тревога за сны, которые измотали меня больше всего.

Последнее осознание привело меня в чувства, я затихла и с удивлением заметила, что Света уже давно не хохочет, а пристально смотрит в мою сторону.

— Что?! — спросила я, не дожидаясь вопроса и вытирая салфеткой тушь, поплывшую в припадке истерического смеха.

— Так, подруга, рассказывай. Что у тебя случилось на самом деле? — искренне спросила Света, и я не смогла смолчать. Моя школьная подруга обладала удивительной способностью создать доверительную обстановку одной фразой, за что я и любила её. Я могла поделиться с ней (в отличие от Кати) всем, не опасаясь быть осмеянной. Рассказ о ежедневных сновидениях и странной девушке с ярко-голубыми глазами полился сам собой.

— Может, я уже тронулась от усталости, и мне пора к врачу? А? Что думаешь? — с надеждой в голосе спросила я и посмотрела в глубокие карие глаза брюнетки напротив, будто в них находились ответы на все вопросы.

Вообще, Светка восхищала меня своим непробиваемым спокойствием. Она на всё говорила: «И это пройдёт, дай вре-

мя». И что интересно, действительно, всё проходило, а она безмятежно жила дальше, что бы ни произошло. Как у неё это получалось? Нет, она, конечно, утверждала, что всё дело в йоге и дыхательной практике, которой она занималась каждый день. Но я откровенно не верила, что просто дыша по утрам, можно чего-то добиться. Даже пробовала пару раз: по её ссылке из интернета посетила несколько онлайн-занятий, но только засыпала от этих упражнений, чуть не опоздав на работу. Бросив это бесполезное действо, я скептически реагировала на все её дальнейшие зазывания меня в йога-клуб, который подруга посещала с завидным постоянством. Я же каждый раз выискивала какую-нибудь вескую отмазку, чтобы только не тратить своё свободное время на сомнительные занятия.

Вот и сейчас Света снова предложила составить ей компанию в это воскресенье. Я уже перебирала в голове сотую причину отказа, как услышала:

— К нам пришла потрясающая тренерша. Мало того что через месяц после её тренировок мы все похудели на несколько килограммов, она каким-то удивительным образом влияет на наше сознание. Она будто светится изнутри и заряжает нас этим светом: после занятий мне хочется обнять весь мир. Она учит радоваться каждому мгновению жизни и раскрывает невероятную женственность. — Глаза Светы загорелись при этих словах. Но я не разделяла её восторг, худеть мне было не за чем. — А ещё я слышала, что она ви-

дит каждого насквозь, — уже таинственным шёпотом продолжила подруга. — Может, тебе рассказать ей этот сон?

— Ага, и что она мне ответит? Иди проспись, деточка, или постой в позе собаки мордой вниз двадцать минут?!

— Вот зря ты так зло говоришь, Анечка, наша Мила совсем не такая. Она всем помогла, кто к ней обратился. Я вот, наконец, почувствовала себя красавицей и завтра иду на свидание.

Последний факт заставил меня призадуматься. Никому не удавалось убедить Светку в её красоте. Да, она не походила на Барби при её росте в сто пятьдесят два сантиметра, округлых бёдрах и лишнем весе, но всё же она обладала притягательным взглядом, доброй улыбкой, покладистым характером и отличными мозгами. Но разве это привлекает мужчин? Ещё с детства наслушавшись издевательств по поводу своей неидеальной фигуры от одноклассников («жиртрес», «молочная фабрика») и добрых советов от родителей («Не всем же быть красотками, кому-то надо и борщи варить»), она давно смирилась со своей участью одиночки и хотела посвятить себя служению людям. Как не пыталась я убедить её, что она очень хорошенькая, в ответ слышала лишь, что, если уж меня, красотку, бросили дважды, то ей надеяться вообще не на что. Всё свободное время от работы педагогом младших классов Света волонтерила в больницах и домах престарелых, будто школы ей было мало. Она единственная из нас троих до сих пор продолжала работать по специаль-

ности. И вот кому-то всё же удалось убедить её в своей уникальности и привлекательности. Я захотела увидеть воочию этого человека и согласилась-таки пойти на занятие по йоге уже в ближайшее воскресенье.

Тогда я и предположить не могла, что эта встреча перевернёт всю мою жизнь с ног на голову.

Глава 2. Милана

— Глубокий вдох... Выдох... Снова вдох... На выдохе уходим в собаку мордой вниз и тянем копчик вверх. Продышите в этой позе несколько циклов... Молодцы, девочки! На вдохе касаемся коврика коленями, грудью и подбородком, локти стараемся держать ближе к телу... Дышим...

Женский голос был очень мягкий и обволакивающий. Он удерживал меня, чтобы не сбежать из зала прямо сейчас, высунув по-собачьи язык.

— На выдохе вытягиваемся в собаку мордой вверх, опираясь на прямые руки, — продолжала мелодично говорить Милана, тренер по йоге, на чьи занятия я всё же пришла, поддавшись уговорам Светы. — Плечи стремятся вниз, а макушка тянется к потолку... Умнички, девочки! И снова вдох... На выдохе отталкиваемся ладонями, тянем копчик к потолку и выстраиваемся в позу собаки мордой вниз...

«Что я здесь делаю? — думала я, стоя на трясущихся уже руках и ногах и поднимая очередной раз пятую точку выше головы. — Я что собака? То морду вверх, то вниз. Кто меня за это приласкает или погладит по холке?.. Эх, водички бы сейчас полакать, такой сушняк во рту...»

После пятничной встречи с подругами в кафе и душевного разговора мы со Светой остались вдвоём и решили немного выпить за нашу женскую судьбу — она с улыб-

кой счастья в глазах, предвкушая завтрашнее свидание, а я с улыбкой умиления от наивности подруги, ещё не познавшей минут разочарования от последствий этих встреч.

Начали мы с моего любимого игристого, так похожего на меня саму в моменты искренней радости, а закончили... уже не помню чем. Зато помню, как на следующий день не могла оторвать голову от подушки. Интересно, как Светка смогла пойти на свидание в субботу? Вероятно, влюблённых похмелье не берёт.

Для меня же единственным плюсом этой пятничной вакханалии стало отсутствие тревожных снов аж на две ночи. Правда, вчера вечером я решила закрепить этот эффект ещё бутылочкой проссеко в надежде, что сновидения останутся в прошлом. Толку и помощи от пьяной женщины вряд ли дождёшься даже в мире грёз. Мои расчёты оказались верны, спала я как младенец, а вот проснулась как верблюд, прошагавший месяц по пустыни без капли воды.

В воскресенье, ближе к полудню, Света уже подпирала дверь моей квартиры и, словно надсмотрщик со скрещенными на груди руками, наблюдала, как я пытаюсь примирить голову с телом в попытках собрать спортивную сумку с вещами для занятия.

— А у меня нет коврика, — вдруг вспомнила я и с надеждой, что этот факт может стать очередной причиной не идти на йогу, посмотрела на подругу.

— Тебе там дадут, не волнуйся, — ответила она, не сводя

с меня пристального взгляда, настроенная на этот раз идти до конца.

— А у меня голова немытая, — вновь предприняла я попытку отвертеться.

— Вот там и помоешь, — сказала Света, выхватила у меня из рук поклажу и решительно вышла из квартиры, крикнув на ходу: — Жду на улице.

Пришлось плестись следом.

И вот теперь, стоя в корявой позе и поглядывая на подругу, которая, несмотря на свой маленький рост и коротенькие пухлые ножки, так изящно выгибала спину, думала: «Что я здесь делаю? Как могут все эти статичные позы подтянуть мышцы и заставить организм сбрасывать лишние килограммы? Если только от страха не разогнуться после очередной закрученной композиции. Поза собаки, кошки, бабочки, крокодила, ворона, голубя — зоопарк какой-то. Кто придумывает все эти названия?».

Спустя час занятия йогой я готова была забрать обратно все свои глупые рассуждения: напряжение в каждой клеточке моего тела кричало мне о том, как я была неправа. Оказалось, что стоять ровно в позе воина или треугольника не так уж и просто, каждая мышца включена в работу. Про стойку дерева я вообще молчу. Никогда не думала, что у меня так плохо обстоит дело с равновесием. Мой «ствол» упорно отказывался держаться на одной ноге, норовясь упасть и завалить весь этот палисадник вокруг к чёртовой матери.

Когда в конце тренер объявила шавасану, или попросту — позу трупа, я была готова на всё. Именно трупом я себя и ощущала. Растянувшись на коврике, я наконец с удовольствием и с улыбкой блаженства прикрыла веки, отчаянно желая расслабиться, чего мне не удавалось сделать в последнее время даже во сне. Медитативная музыка и спокойный, обволакивающий голос Миланы умело погружали меня в ощущения своего тела изнутри. Я мысленно направляла внимание то в большой палец левой ноги, то в правую ладонь, то в колени, последовательно отпуская напряжение в каждой точке. Мне казалось, что всё моё измученное работой, недосыпом, стрессами и тренировкой тело часть за частью теряет свой вес и растекается по полу, стремясь стать с ним единым целым.

Впервые я полностью отпустила себя настолько, что словно погрузилась в небытие. Я перестала понимать, где нахожусь. Всё вокруг стало белым. Всё внутри — безразличным. Пустота! Только так я могла определить это состояние. Звнящая тишиной пустота! Сверху, снизу и вокруг всё было как в тумане. Я не чувствовала больше свои уставшие конечности, но это не пугало меня, а, наоборот, радовало — долгожданный отдых! — и удивляло одновременно. Разве это возможно — вот так просто?! Ни алкоголю, ни сексу, ни хорошей книге не удавалось расслабить меня настолько.

Я потеряла счёт времени и перестала понимать, сколько уже нахожусь в таком состоянии, оттого радость постепен-

но сменялась тревогой. Я вспомнила, что была на занятии по йоге и легла в заключительную расслабляющую практику. И тут меня пронзила мысль: «Шавасана — поза мёртвого. Могла ли я умереть? Бывают же внезапные остановки сердца от нервных или физических перегрузок? А, может, у меня было какое-то скрытое заболевание, и все эти перевёрнутые «собаки мордой вниз» активировали его? Но почему я тогда слышу свои мысли и вижу свои руки. Руки!..».

Осознав этот факт, я быстро стала ощупывать себя — все части тела на месте и вполне себе осязаемы. Значит, я жива! Только вот где я и почему на мне одето лёгкое широкое белое платье, напоминающее, скорее, ночную сорочку, а не мой любимый розовый топик и сиреневые лосины, в которых я занималась йогой. И почему я не помню, как закончилось занятие, как девочки поднялись, скрутили свои коврики и вышли из зала? Куда все исчезли?

Мысли роились в голове, как в пчелином улье, подкидывая всё новые и новые предположения моего нахождения здесь: психиатрическая больница, кома, очередной сон или всё-таки смерть... Рассказывают же люди про какой-то свет в конце тоннеля!.. Но выяснить всё это было не у кого. Здесь была только я и белоснежная пустота. И никакого тоннеля!.. М-да, даже умереть нормально не могу! Непутёвая!..

Оглядевшись ещё раз по сторонам и убедившись, что мне ничто не угрожает, моя тревога сменилась необъяснимой тоской. Поднялось чувство чего-то родного, но ускользаю-

щего от меня... Чувство, будто я знаю это место, но так давно здесь не была, что забыла о нём. Что со мной происходит? Где я? Кто я?

Словно услышав меня, пространство вокруг зашевелилось, воздух медленно поплыл, растворяя белый туман и меня картинку. Я увидела ярко-голубое небо и бескрайнее пшеничное поле вокруг. Лучи закатного солнца обволокли жёлто-розовым теплом моё тело и коснулись верхушек колосьев, превратив их в золотой океан. Лёгкий ветерок наклонял стебельки то вправо, то влево, и мне казалось, что солнце качает поле на своих огромных горячих руках, ласково и бережно, как младенца. Этот мягкий солнечный свет и волнообразные движения дарили чувство спокойствия и умиротворения. Мне даже захотелось покачаться в такт с ними, что я и сделала, закрыв глаза, раскинув руки и плавно водя ладонями из стороны в сторону.

Тревога ушла, а на душе стало тихо-радостно — полная идиллия. Я не понимала, где нахожусь, да и не хотела понимать. Хотелось просто быть! И ощущать себя частью чего-то целого, огромного и значимого! Я и была всем и ничем одновременно! Я чувствовала себя и хрупким колоском, и бесконечным небом, и тёплым лучом солнца, и шаловливым ветром, и громко бьющимся сердцем одновременно — я чувствовала себя самой Вселенной!

— Аня-я-я... — Мягкий, но настойчиво зовущий голос заставил меня открыть глаза и вернуть мысли в тело. Кто ме-

ня звал?

Вдали я разглядела идущий навстречу женский силуэт. Лица чётко не было видно, так как солнце освещало фигуру сзади, зато хорошо прослеживались очертания игривого каре, чуть-чуть касающегося плеч своими волнистыми прядками и открывающим грациозную шею. Да и вся фигура была очень знакома своей изящной худобой. Я ещё не поняла, кто это, но мне было спокойно. А может быть, всё равно?!

— Аня, — вновь произнёс моё имя бархатный голос, — ты слышишь меня?

Я утвердительно кивнула, отвечать не хотелось. Где я слышала эти интонации?

Когда силуэт приблизился настолько, что я смогла разглядеть лицо, то сильно удивилась. Это была Милана — наш учитель йоги! Так вот почему зовущий обволакивающий тембр показался мне таким знакомым.

Она подошла ближе, взяла меня за руку и тихо спросила: — Что тебя беспокоит, дорогая?

Вдруг мне захотелось всё ей рассказать. Атмосфера этого места или этот доверительный голос сыграли роль, но слова потоком хлынули из меня наружу, будто прорвало плотину или проснулся вулкан, и ничто не в силах было его остановить.

— Я совсем одна. Мне так грустно, одиноко, больно. Я совсем одна, — горько повторяла я. — Я запуталась. Мама погибла почти десять лет назад, отца я вообще никогда не

знала, сестёр и братьев нет, у подруг своих проблем хватает, а на работе ни друзей, ни единомышленников я не нашла. Я искала поддержки у мужчин. Но и там не ощутила её — уже дважды в разводе. Я не смогла стать ни нормальной женой, ни матерью. Я разочаровалась в себе, в мужчинах, в своих мечтах и ожиданиях. Даже работа не приносит мне никакого удовлетворения. Я запуталась. Не понимаю, чего хочу в жизни? Зачем родилась? Мне скоро тридцать, а я чувствую себя брошенной, несчастной, не реализовавшейся и одинокой женщиной, абсолютно одинокой и никому не нужной. — На последних словах я горько зарыдала.

Милана не стала меня утешать, причитать, сочувствовать или жалеть. Она дала мне возможность проплакаться, лишь тихо пожимая мою руку, а потом сказала:

— Пойдём, хочу тебе кое-что показать.

Мы шли по полю вперёд, аккуратно раздвигая пшеничные колосья руками. Удивительно, но они совершенно не были колючими. Я слышала их шелест и пение птиц, видела, как вокруг порхают бабочки, и ощущала лёгкое прикосновение ветра к моим оголённым плечам. Только сейчас я обратила внимание, что моё платье стало в тон поля золотисто-жёлтым и больше не походило на бесформенную сорочку, а приятно облегло фигуру и охладило своим шёлком грудь и бедра. Волосы распустились и струились по открытой до пояса спине. Странно. «Откуда всё это? Где я?» — вопрошала я себя, идя босыми ногами по идеально-мягкой траве. И

вообще, весь этот мир был каким-то... идеальным. Тепло, комфортно и абсолютно безмятежно, а главное — безопасно. Так спокойно я не ощущала себя с раннего детства, когда сидела в объятиях мамы.

— Где я?

Вероятно, я повторила это вслух, потому что Милана ответила:

— Ты там, где хочешь быть.

— Хочу? — немного удивившись, переспросила я.

Я уже давно не понимала чего хочу.

— Да, чего ты хочешь прямо сейчас!

Её мелодичный голос вводил меня в какой-то транс. Я вдруг увидела маленькую девочку в голубом ситцевом сарафанчике на бретельках, идущую по целому полю цветов. Только она, синее небо над головой и океан космей вокруг.

«Такой нежный и трепетный цветок», — проговорил детский голосок в моей голове.

«Как и твоя душа», — послышался мысленный ответ.

Кто это сказал, я не сразу поняла. Словно сама Вселенная шептала мне. Всё моё внимание было приковано к детским ладошкам, держащим лиловое чудо с лепестками, напоминающими крылья бабочек. До меня не сразу дошло, что эти руки принадлежат... мне!

Маленькие пухлые пальчики вдруг стали вытягиваться, а тело расти и приобретать женственные изгибы. Я снова увидела себя теперь уже в розовом льняном платье до колен и с

венком из разноцветных космей на голове.

«А ты знаешь легенду о космее?» — спросила Милана без слов, смотря на меня. Я видела её лицо перед собой, но её губы оставались неподвижны, поэтому я обернулась. Может, здесь ещё кто-то есть? Никого. Я всё ещё сомневалась, что это говорит именно Мила. И чтобы убедиться в этом, мысленно и по-детски искренне ответила, глядя ей в глаза: «Нет».

И тут же снова услышала в голове: «Тогда садись поудобнее, я расскажу».

Больше сомнений не было — мы общаемся мысленно, не раскрывая рта. Но и этот факт после осознания я приняла, как-то спокойно и как само собой разумеющийся. Почему бы и нет! Вероятно, я всё же сплю, а во сне и не такое бывает. Какой замечательный сон... Пусть он продлится ещё!

Мы устроились прямо на сочной изумрудной траве в окружении цветов — белых, розовых, лиловых и оранжевых космей, так напоминающих небесных красавиц, что зажигаются в ночном небе, — и Мила начала свой рассказ, не размыкая уст.

«Космея была прекрасной звездой, стройной белокурой красавицей с длинными кудрявыми волосами. Она жила на просторах Вселенной среди миллиарда других звёзд. Её большие глаза светились необыкновенным серебряным светом, оттенки которого имели способность меняться от настроения. Девушку полюбил Космос — владыка и повели-

тель звёзд. И она ответила ему взаимностью. Это была самая сильная любовь во Вселенной, не знающая границ и времени. Но...»

Моя визави на мгновение замолчала, а я затаила дыхание: «Опять “но”, всегда есть это “но”...»

Милана загадочно улыбнулась, вероятно, вновь услышав мои мысли, и продолжила: «... Но могучий и величественный Космос отличался непостоянством в своих чувствах и легко увлекался другими звёздами...»

«Прямо как мой Дэн...» — Моё воспалённое сознание не стеснялось уже проводить аналогии.

«Космея очень страдала от неверности возлюбленного...»

«Понимаю. До сих пор сердце щемит от воспоминаний об изменах», — не унимался мозг, щедро подкидывая памяти лица красавиц, которым дерзко улыбался мой первый муженёк. Когда-то и я попалась на эту уловку искреннего, как мне тогда казалось, восхищения, обволакивающего обаяния, заинтересованности в происходящих вокруг тебя событий, желания помочь и принять участие в разрешении всех твоих проблем, умения защитить перед опасностью. Ну не мужчина, а мечта. Та мечта, в которую я верила с детства, мечта о существовании принца на белом коне, мечта, подогреваемая мелодрамами об идеальной любви, любовными романами, непременно заканчивающимися воссоединением возлюбленных, которые преодолели все преграды, изменились, осознали свои ошибки и готовы жить долго и счастливо до

конца своих дней. Много ли я видела вокруг реальных таких «долго и счастливо»? Нет. Но это не останавливало меня верить в мечту, что вот у меня-то обязательно получится, потому что я-то особенная и понимаю, как надо любить по-настоящему и беречь свой очаг. Встретив Дэна, я увидела в нём свою мечту и упорно не хотела замечать его самого за маской павлина, распутившего хвост перед очередной жертвой.

Слова Миланы, снова ворвавшиеся в моё сознание, заставили меня прислушаться.

«Однажды сердце Космеи не выдержало и разорвалось на множество мелких осколков, которые разлетелись по всей Вселенной. Там, где они упали, выросли цветы, обладающие волшебным ароматом любви. Но уловить его может не каждый. Предание гласит: если человек почувствует этот прекрасный аромат космеи, значит, истинная любовь рядом.

И только когда не стало юной влюблённой Космеи, понял владыка звёзд, что никто больше не может сделать его таким счастливым, каким он был рядом с ней. Осознав это, он поклялся, что найдёт её, вымолит прощение и вернёт к жизни. Тысячу цветов видел одинокий Космос среди множества миров и галактик, но ни разу не ощутил их аромат и до сих пор ищет ту самую Космею».

«Грустно, но поучительно. Так ему и надо. Что имеем не храним, потерявши, плачем — так, по-моему, говорят в народе?» — зло, всё ещё сильно обижаясь на своих мужей и несостоявшуюся личную жизнь, рассуждала я.

— Милана, вот почему люди не ценят настоящие чувства?
— задумчиво спросила вслух.

«Вероятно, в погоне за сильными эмоциями и страстью не замечают истинного тихого счастья, думая, что оно должно быть каким-то особенным, несущим только радость и наслаждение», — вновь услышала я мелодичный голос в своей голове.

«Значит, любовь всегда в итоге несчастна?»

«Нет, дорогая, так только кажется. Такое случается, если люди сами не берегут её, как Космос в легенде, или, что чаще, любовь — ненастоящая».

«Как это?» — искренне удивилась я.

«Мы часто принимаем за это чувство то, что им совсем не является: страсть, привязанность, зависимость, ощущение нужности, значимости — и страдаем от этого. Из-за страха одиночества или чувства небезопасности, из-за идеального образа в голове о возлюбленном люди бросаются в отношения и попадают в свои же ловушки: они ищут идеал, защиту или опору в партнёре и, находя, принимают её за любовь. Помощь, поддержку, участие, заботу, понимание и принятие другого таким, какой он есть, мы часто считаем любовью».

«А разве это не так?» — ещё больше удивилась я.

«А чем тогда любовь отличается от дружбы, например?»
— ответив вопросом на вопрос, озадачила ещё больше меня Мила. Я задумалась: «И правда? Чем?».

— А разве не для того мы и нужны друг другу, чтобы по-

могать и понимать, поддерживать и заботиться? — спросила я снова вслух, так и не найдя точного ответа внутри.

— Всё это прекрасные человеческие качества, — тоже голосом продолжила Милана, — но ведь их можно проявлять к кому угодно: к родителям и детям, к друзьям и коллегам по работе, да просто к прохожим на улице. Помощь, понимание и забота нужна всем. Но это ли истинная любовь, та самая, которую ты ждёшь? Всегда ли поддержка или желание помочь отвечает нам тем же?

Ответ был очевиден.

— А что же тогда такое любовь? — спросила я, совсем запутавшись.

— У любви нет универсальной схемы или определения. Все по-разному понимают это чувство! И на этот вопрос ты сможешь ответить сама, когда научишься слышать и чувствовать себя. Чувствовать, чего ты хочешь. И действительно ли ты этого хочешь. Когда услышишь истинный зов своей души. А главное, когда найдёшь опору в себе самой и откроешь свой источник любви внутри, чтобы делиться ею из состояния изобилия, а не из желания наполнить себя этим чувством через другого человека. Не подкачиваться энергией любви от партнёра, а купать друг друга в ней от избытка.

Я ничего не понимала. Ну почему всё так сложно? Почему нет единого объяснения всему на свете? Всё тело опять напряглось. Захотелось скукожиться, обнять себя за колени, спрятать в них голову, как в детстве, и забиться куда-ни-

будь в уголок, превратившись в маленький комочек, а лучше вообще в невидимку. Да, стать невидимой, чтобы больше никто и никогда не смог меня заметить, обидеть, причинить боль или страдание.

Мокрые дорожки снова засверкали на щеках...

Я открыла глаза и поняла, что лежу всё на том же коврикe в зале, где мы занимались йогой, и смотрю в потолок. Белый, с разбросанными в хаотичном порядке маленькими светодиодными лампочками, напоминающими россыпи звёзд на небе. Свет приглушён. Вокруг тишина. Кто-то держит меня за руку. Повернув голову в сторону человеческого тепла, увидела сидящую рядом в позе лотоса Милану. Её веки были опущены, ресницы чуть подрагивали, а на лице сияла улыбка.

Я не понимала, что происходит, и попыталась медленно вытащить свою руку из её мягкого хвата. Мила открыла глаза.

— Всё в порядке! Не волнуйся! — всё так же нараспев произнесла она. — Теперь всё будет хорошо!

— А что ты мне хотела показать? — вдруг спросила я, вспомнив видение загадочного места и пытаюсь убедиться в том, что это было не сном.

— Это, — произнесла она, внимательно посмотрев на меня, и продолжила: — Твой мир. Он живёт внутри тебя. Ты можешь возвращаться туда, когда захочешь.

После занятия и астральной прогулки в непонятном, но таком уютном и почему-то родном мне месте, мы с Миланой сидели уже больше часа в фитнес-баре, пили смузи и говорили обо всём на свете. Мне было неожиданно легко общаться с человеком, с которым я познакомилась всего несколько часов назад. Я рассказала ей о своей жизни и неудачных браках, о том, что совершенно не разбираюсь в мужчинах и притягиваю на свою голову все возможные и невозможные неприятности, о том, что не понимаю, чего хочу. Я осознаю, что всё, что со мной происходит для чего-то, что всё не случайно и я должна пройти какой-то урок, но какой?

— Ну, вот что я должна понять из этих несостоявшихся замужеств, Мила? Ты всё знаешь, скажи! — начиная закипать, задала я очередной вопрос.

— Ну, во-первых, твои браки состоялись, только не совсем так, как ты этого ожидала, вернее, иллюзорно представляла, какими они должны быть; а во-вторых, ты не там ищешь ответы, дорогая... Они не у меня! Они — внутри тебя! Научись их слышать, — терпеливо отвечала тренер на все мои бесконечные выпады.

— Ну как?! — Я нервничала всё больше. — Вот я слышу тебя и всё понимаю, но как мне услышать себя? — Я снова умоляюще посмотрела на учителя. Именно так мне захотелось её называть: она внушала мне какое-то бесконечное доверие и надежду изменить мою заикленную жизнь, всё больше напоминающую бег цирковой лошади по арене на

потеху зрителям.

— Слушай не ушами... — Она положила левую руку себе на грудь, а правую резко протянула ко мне, коснувшись сердца, и... я услышала... услышала их...

— Как больно, — плакала маленькая девочка, стискивая зубы и потирая ушибленную коленку, из которой сочилась кровь. — Опять меня будут ругать из-за рваных колготок. А я ведь ни в чём не виновата. Это Илья толкнул меня. — Поток слёз от обиды и жалости к себе усиливался с каждой новой мыслью ребёнка...

— Обними меня, мне страшно, — умолял тихий детский голосок из-под одеяла в тёмной комнате...

— Я никому не нужна... — Две прозрачные дорожки прокладывали свой длинный путь на нежных щеках девочки-подростка, смотрящей в ночное небо на звёзды... — Где мой дом?..

— Как же мне хочется рисовать, а не решать математику, я ничего не понимаю в этих цифрах, — тоскливо глядя в учебник, думала девушка, не замечая, как чертит карандашом причудливые узоры на его полях...

— Он не сделает тебя счастливой. Посмотри, вон опять

смотрит по сторонам даже в день свадьбы... Глупости, я привлекательнее этой Ирки и докажу ему это сегодня же ночью... — спорила со своим отражением в зеркале невеста, отгоняя навязчивый голос в голове...

— Зачем она положила руку мне на грудь? Что это за голоса? Кто все эти люди? Опять видения? — услышала я собственный тревожный голос...

— Мама... Где ты?.. Помоги, спасти Нирею!..

Последняя фраза резко вернула меня в реальность. Я уже слышала это. И не раз... Но кто такая Нирея? Это было что-то новенькое... Я распахнула глаза и удивлённо посмотрела на сидящую напротив Милану. Её хитрая улыбка и острый взгляд были устремлены мне в самую душу, подтверждая мои худшие опасения. Я уже понимала, чьи голоса я слышала, но всё равно упрямо, почти одними губами спросила:

— Что это было?

— Ты знаешь сама, — просто ответила женщина и подмигнула. — Я просто немного помогла.

— Этому можно научиться?

— Этому не нужно учиться, — тихо, по-доброму засмеялась Милана. — Это врождённая способность. Ты уже это умеешь.

— Ну почему же тогда я не слышу себя, когда захочу, без посторонней помощи? — Мне было не до смеха. То, что моему учителю казалось естественным, для меня представлялось непостижимым.

— А хочешь ли? Многие думают, что хотят услышать себя, но на самом деле боятся этого больше всего на свете. Потому что тогда придётся узнать и всю правду о себе, о своих настоящих чувствах, а не о тех, которыми мы прикрываемся, чтобы оправдать себя или выглядеть в выгодном свете. Придётся снова пережить боль, которую испытала и не отпустила когда-то. И эта правда может не понравиться, а вспоминать прошлое и переживать всё снова никто не хочет.

— Но ведь прошлое не изменить, чего вспоминать-то тогда? — парировала я, желая поймать Милану на её же рассуждениях и гордясь, как я ловко подловила её на банальном факте.

— Не изменить, точно, — всё так же легко и безмятежно продолжала Мила, не обращая внимание на моё ехидство, — а вот найти ответы — можно. И не всегда они будут нравиться. И твоя психика точно знает это, потому и сопротивляется, а мозг вторит ей: да, да, одумайся, зачем ворошить былое?!

— А и правда, зачем? — не унималась я. Это удивительная женщина напротив притягивала как магнит. Я даже наклонилась к ней поближе, желая здесь и сейчас получить ответы на все давно мучившие меня вопросы, и слышала:

— Чтобы понять, что послужило истинными причинами твоих выборов, которые привели тебя к настоящему.

— Но зачем? — снова повторила я, всё больше раздражаясь и растягивая слова по слогам. — Зачем, если всё равно уже ничего нельзя изменить? — Я была готова кричать от злости: неужели она не понимает, что это бессмысленно!

— Прошрое изменить нельзя, а вот настоящее — можно! Ведь всё, что с тобой происходит сейчас, было результатом только твоих выборов и решений в прошлом.

«Ага, как же... моих...» — чуть не выпалила я, но вовремя остановилась. Как бы меня ни раздражало то, что говорит Милана, но я чувствовала истину в её словах. Я действительно боялась услышать правду: мне не нравилась моя текущая ситуация в жизни, моё одиночество, моя работа, моё отсутствие интереса к самой жизни. Но ведь это я принимала решения о браках и разводах, о выборе учёбы и работы. Я, а не кто-то другой! Да, не всегда мне нравились мои выборы, или я считала, что иначе поступить не могу. Но выборы-то были сделаны, и сделаны мной!.. Однако признать тот факт, что всё происходящее со мной сейчас — дело моих же рук, было невыносимо. Это означало бы, что я сделала неправильный выбор, не справилась, проиграла, не смогла... Потому что всё пошло совсем не так, как я хотела изначально. И сейчас принимая всё это, я должна признаться в своей несостоятельности?..

Мне стало душно и нестерпимо больно, горло будто сда-

вила огромная невидимая рука, не давая вдохнуть полной грудью. Я вновь почувствовала себя неудачницей, потратившей столько лет жизни впустую. Мне снова захотелось убежать, спрятаться ото всего мира. От себя. И я закрыла лицо руками. Как в детстве. Меня нет... Я в домике...

А Мила, несмотря на это, продолжала:

— Ты никогда не услышишь свой источник правды, пока на нём броня. Ты усердно наращивала её каждый раз, когда слышала от себя, чего хочешь на самом деле, но думала, что это сейчас невозможно получить по какой-то внешней или внутренней причине. Ты наступала на горло своим истинным желаниям, потому что кто-то сказал тебе однажды, что делать то, что хочется — это эгоизм, что твои мечты — это иллюзия, сказка, романтическая фантазия, мечты, на которые не проживёшь, которыми не зарабатываешь. И ты верила в это и шла учиться туда, где выгодно получить прибыльную или хотя бы стабильную профессию, говорила то, что от тебя хотели услышать, чтобы выглядеть умнее, выбирала того мужчину, которому будешь чем-то полезна или удобна. Ты старалась быть для всех нужной, потому что боялась, что если перестанешь быть таковой, то останешься одна. Одна сама с собой. А наедине с собой страшно, потому что в тишине снова начинаешь слышать свой голос, зовущий туда, где с точки зрения общества якобы невыгодно, некомфортно или мало платят, туда, где сидит израненная недолюбленная девочка, а ты не знаешь, как ей помочь. Страхи и навязанные

стереотипы не позволяют тебе слышать её — слышать себя! Ты живёшь чужой навязанной жизнью!

Мне захотелось отнять руки от лица, закрыть ими уши и заорать во всё горло: «Хватит! Прекрати!». Но я не смела. Я чувствовала, как каждое слово словно нож вонзается болью в самое сердце. Потому что это правда! Каждая произнесённая фраза — безжалостная правда! Я живу не свою жизнь, потому что свои мечты, как и себя саму, считаю глупой, ничёмной, жалкой. Я всего боюсь... Боюсь громко засмеяться, потому что это неприлично. Боюсь гулять одна, потому что это опасно. Боюсь уйти с нелюбимой работы, потому что не на что будет жить, а в то, что найду другую, я не верю, да и будет ли эта другая наполнять меня, а не снова высасывать все силы в обмен на кусок хлеба. Я боялась навсегда остаться одной и одновременно боялась снова впустить кого-нибудь в свою жизнь. Я боялась новой любви, потому что она приносит только боль и разочарование. Все настоящие мужчины остались только на страницах книг. Я уже не понимала, чего я хочу в этой жизни на самом деле... И в чём вообще смысл этой жизни?!

Спрятавшись за щит своих ладошек, я вспоминала, как в детстве мечтала стать лётчиком, но узнав, что это невозможно для женщин, горько разочаровалась в том, что родилась девочкой. Вспоминала, как мне нравилось танцевать и как меня хвалили учителя и советовали тренироваться дальше, но за профессиональную школу танцев надо было пла-

тить, а у мамы не было на это денег. Вспоминала, как хотела играть на фортепьяно, но вердикт школьного учителя по музыке про медведя, наступившего мне на ухо, заслонил и эту мечту. Вспомнила, как одноклассник прочёл мои стихи о звёздах и высмеял их при всём классе, называя меня глупой мечтательницей, а все ржали и тыкали пальцем. Всё, за что бы я ни бралась, было невозможным, ненужным, раскритикованным или опасным. Почему так?

Вспомнила я и то, как после школы, уже ни с кем не советуясь и лелея свою новую мечту стать дизайнером, ведь я всегда любила рисовать, тайком отправилась поступать в Строгановское училище, но в последний момент испугалась, посчитав себя самозванкой, недостойной учиться вместе с настоящими талантами, ведь у меня не было за плечами художественной школы. Я стыдилась показывать свои рисунки профессионалам, потому что теперь уже сама заранее решила, что они плохие.

Раз за разом мои мечты разбивались о реальность и страхи. Я убедила себя, что взрослые правы, что любая творческая профессия — это блажь, хобби, ерунда, просто развлечение, и, чтобы достичь профессиональных высот в них, нужно не только желание, но и смелость, удача и талант, а не банальные способности, которые есть у каждого с рождения, а главное — нужны деньги для стажировки за границей. Будучи трусихой и тотальной неудачницей, я похоронила свои мечты. Почувствовав в детстве свою не ценность, я добро-

вольно, сама продолжала себя обесценивать.

«Пора повзрослеть и выбрать настоящую работу», — решила я по окончании одиннадцатого класса и пошла учиться на педагога. Дети и школы будут всегда, а, соответственно, и востребованность в профессии. И это действительно так. Я поверила в целесообразность своего выбора. Я убедила себя, что так будет хорошо всем: я буду при профессии, а мама при спокойствии, что дочь устроена. Ведь ей было так тяжело одной тянуть нас двоих. Это правильно, это нужно обществу, пусть в школе мало, но стабильно платят, без работы я никогда не останусь. Сделав выбор, я почувствовала облегчение (всегда раздражала неопределённость), и с новой целью, засучив рукава, бросилась покорять очередную вершину. Ради этого я с отличием окончила педагогический колледж и университет. Успела поработать преподавателем начальных классов и выпустить своих учеников в среднюю школу. Успела выучиться параллельно на филолога и стать учителем литературы. Благородная и почётная профессия — решила я! Дети сначала начальных, а потом и старших классов любили меня. Очень. И я искренне отвечала им тем же.

И всё бы хорошо, вот только жизнь раз за разом подкидывала мне неприятные ситуации в виде ссор с администрацией школы и высасывания всех жизненных соков, будто говоря: «Да, ты можешь работать и тут, но тебе не сюда». Я пребывала в состоянии тотальной усталости, как физической, так и моральной после каждого рабочего дня, но упорно про-

должала игнорировать сигналы моего организма. Я, как ледокол, шла напролом вперёд, боролась с обстоятельствами, считая, что неприятности только закаляют меня, сама растила внутри броню и упорно не хотела менять работу, ведь столько времени и сил уже потрачено. А коней на переправе не меняют! Это не я сказала — народная мудрость. И мне ли с ней спорить?! И я не спорила, а поплакав, засучив рукава и стиснув зубы, снова надевала маску «У меня всё хорошо, я справлюсь» и шла преодолевать новое препятствие.

Мысли о смене профессии всячески отгоняла от себя. Только слабаки сдаются. А я не слабачка! Да и куда было уходить? Кому я нужна?.. Вечно это ощущение ненужности. И я терпела, долго терпела упрёки и издевательства школьного завуча, не понимая, за что со мной несправедливо поступают. Но когда с её же лёгкой подачи со мной перестали разговаривать, не объясняя причин, все коллеги-учителя, чаша терпения наконец перевесила мою неуверенность в себе, и я всё бросила прямо посреди учебного года и ушла из школы навсегда. Получив ещё одно доказательство в свою копилку разочарований. Столько лет учёбы, стараний и душевных сил потрачено — и всё напрасно! Неудачница!..

Я вспомнила, что и сейчас работаю только ради зарплаты, общаюсь с людьми, которые мне совершенно неинтересны или которых я вынуждена терпеть — чего только один Гоша стоит с постоянными скабрёжными шутками и намёками. Ежедневно меня посещает мысль: что я здесь делаю, на что

трачу свою жизнь? И каждый раз я гоню её подальше, потому что понимаю, что не знаю, чем ещё заняться, как заработать, как выжить! Возможно, я так сильно устаю, потому что всё внутри меня сопротивляется тому, что я вынуждена делать, но не хочу этого?

А может, это тот самый внутренний голос вновь стучится ко мне, ведь разочаровавшись в прошлом, я разочаровалась в себе и перестала слышать, чего хочу?

Тёплая ладонь Миланы легла мне на плечо.

— Ты справишься! С тобой всё в порядке!

Глава 3. Падение

Вспоминая наш долгий разговор с Милой после занятия, я думала, как неожиданно повернулась моя жизнь. Ещё утром я закатывала глаза от ужаса, что мне нужно идти на йогу и делать то, в чём я не видела смысла, а уже вечером осознавала, что искала именно это. После встречи с Миланой, удивительно спокойной женщиной, я почувствовала что смогу, наконец, разобраться в себе!

«С тобой всё в порядке», — сказала она, и мне очень хотелось верить её словам.

Как интересно складываются обстоятельства, подталкивая туда, куда нужно именно сейчас, стоит всего лишь не сопротивляться этому. Почему раньше я не хотела пойти со Светой на занятия, ведь она столько уговаривала?

«Всему своё время», — услышала я голос внутри.

Ответы всегда приходили ко мне, но я считала, что это просто мои мысли, что я сама их выдумываю в оправдание чего-либо, что это игры разума, а не внутренний отклик.

«А как же различать, где говорит сердце, а где навязанные мозгом конструкции?» — рассуждала я сама с собой, сидя дома на любимом широком подоконнике и глядя в вечернее небо, подмигивающее мне то тут, то там загорающимися звёздочками. Мягкие разноцветные подушки согревали мне ноги и спину и в минуты грусти напоминали о маме, которая

их подарила.

Мама! Я очень любила её. Она часто была задумчивой, будто тосковала по чему-то. Я так и не решилась спросить, по чему или кому, всё думала: потом, после. Но этого «после» так и не наступило.

В октябре уже всё раньше и раньше становится темно. Су-мерки набрасывают свою таинственную вуаль, и уже к семи часам вечера атмосфера загадочности накрывает наш мир. И только самые внимательные и любопытные взоры пытаются разгадать секрет звёздного покрывала, окутывающего небо, которое не прячет, а, наоборот, приоткрывает иную сторону — указывает путь в другие миры. Ночное небо стирает грань между земной суетой и мирозданием. Мы видим уже не его, а саму Вселенную!

Сколько бессонных ночей я провела здесь, на своём уютном подоконнике, упёршись лбом в оконное стекло и разглядывая звёздную пыль, мечтая о просторах космоса, о полётах на другие планеты, представляя себя пилотом межгалактического корабля. Мне даже казалось, что я знаю, как он выглядит, — столько раз я видела его во сне. Небольшой, обтекаемый, похожий одновременно на стальную серебряную птицу с острым, как пуля, вытянутым клювом и на морского ската с ромбовидными плавниками по бокам. Он двигался абсолютно бесшумно и плавно, но совершенно не пугал меня, лишь вызывал любопытство. Мне казалось, я знаю этот звездолёт, но почему-то не могу вспомнить, откуда

знаю. Ещё в детстве он неожиданно появлялся в небе, будто резко телепортировался в моё пространство, как в кино, а потом также резко мог исчезнуть. Мне так хотелось, чтобы он забрал меня с собой, унёс на другие планеты, где тоже есть жизнь. Я всегда верила в это, верила, что мы не одни во Вселенной.

Сегодня, разглядывая невероятное количество звёзд за окном — к ночи небо очистилось от дневной хмари, а спустившийся холод сделал воздух чистым и прозрачным, — я снова представляла себя пилотом того загадочного межзвёздного челнока из детских снов. «Эсперанса» — подкинуло название моя память. Так я называла его. Откуда взялось это слово, я не знала. Мне казалось, что оно всегда было в моей голове. Повзрослев, я прочла в словаре, что на испанском языке оно означает «надежда».

Так странно, но тогда, в детстве, я действительно надеялась, что когда-нибудь стану пилотом корабля и полечу в космос. Ещё в школе я искренне поделилась с друзьями своими мечтами о полётах, но в ответ получила лишь залихватский смех и покручивание пальцем у виска. Никто не воспринимал меня всерьёз. Тогда я решила поговорить об этом с мамой. Она сначала вся напряглась, мне даже показалось, что испугалась, а потом взяла себя в руки, строго поджала губы и сказала, что девушек на лётную специальность не берут. Она была так убедительна, что я поверила на слово и прорыдала всю ночь. А наутро решила выкинуть свои мечты

из головы и больше не смотреть на звёздное небо. Но чем больше днём я старалась об этом не думать, тем упорнее ночью мне продолжала сниться моя космическая стальная птица. Это стало моим наваждением, моей тайной. Я и Эсперанса — я и моя надежда. Если кто-то пытался меня высмеивать, я отшучивалась и делала вид, что больше не интересуюсь темой космоса, а сама по ночам тайком под одеялом с фонариком изучала карты звёздного неба, а потом искала за стеклом оконной рамы созвездия Ориона, Андромеды и Кассиопеи. Заканчивая последний класс школы и засомневавшись в словах матери, позвонила в лётное училище, но и там получила ответ: принимают только лиц мужского пола.

«Интересно получается, — рассуждала я, — коней на скаку останавливать и в горящие избы входить женщинам можно, а летать нет?! Почему такая несправедливость? Чем мы хуже?»

Я стала изучать этот вопрос и узнала, что в России ещё в начале двадцатого века были женщины-авиаторы, авиатриссы — так тогда их называли. Первой стала в 1911 году Лидия Зверева, младшая из трёх дочерей генерала русской армии, героя Балканской войны, Виссариона Зверева. Лидия мечтала о полётах с самого детства, как и я. В начале двадцатого века в авиации не было гендерного ценза при приёме на курсы пилотов, но был имущественный: обучение стоило очень дорого. Так что первые авиаторши были женщинами обеспеченными.

Вторым дипломированным пилотом стала Любовь Голанчикова, которая ради неба бросила свою карьеру эстрадной певицы, известной под сценическим псевдонимом Милли Море.

Таких отважных и состоятельных женщин можно было сосчитать по пальцам: Софья Долгорукая, дочь графа, сенатора, председателя Императорской археологической комиссии Алексея Бобринского и жена князя Петра Долгорукова, фрейлина императорского двора; Евгения Шаховская, дочь состоятельного петербургского купца, жена гражданского инженера князя Шаховского.

Я восхищалась этими решительными женщинами, но в то же время в голову закрадывалась мысль: неужели авиация — удел избранных и богатых?

Но в то же время вспоминались известные имена женщин-лётчиц периода Великой Отечественной войны: Марина Раскова, Екатерина Буданова, Лидия Литвяк. Их было немало, и все они не принадлежали к богатым сословиям, но летали. Как?

Проведя не один день в библиотеке, я узнала, что после Октябрьской революции 1917 года женщинам стали разрешать идти во многие мужские профессии, поскольку процветала эмансипация, и дамы в борьбе за равноправие не особо заботились о своём здоровье. Женщин, хоть и неохотно, но пустили и в авиацию. Им часто приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы убедить общество в том, что так на-

зываемый слабый пол совсем неслабый, а способный выполнять новые обязанности не хуже, а то и лучше мужчин.

В 30-е годы «слабой» половине человечества помогла политика. Началась активная гонка с Западом за лидерство, и русские женщины проявляли в этом соревновании отчаянное мужество. Знаменитая тройца: Полина Осипенко, Валентина Гризодубова и Марина Раскова совершили рекордный беспосадочный перелёт на самолёте «Родина» по маршруту Москва – Дальний Восток. Правда, конечной запланированной точки они так и не достигли, но пробыли в воздухе более двадцати шести часов, преодолели 7580 километров на самолёте АНТ-37, прославили советскую авиацию и подняли статус женщин-пилотов. А дальше была война...

Здесь уж не до выборов, нужны были все: и мужчины, и женщины. В сороковые годы по решению правительства в боевые части, за исключением сил ПВО, охотно брали женщин-добровольцев. И таких было немало. Многие помнят знаменитых женщин-снайперов и легендарных «ночных ведьм». В годы Великой Отечественной войны было создано сразу три женских авиаполка — ничего подобного в мировой истории больше не было. Причём женщины управляли и истребителями, и тяжёлыми самолётами-бомбардировщиками, а не только, как считают многие, одномоторными лёгкими двухместными самолётами У-2, которые до войны использовались только как учебные тренажёры, да в сельском и лесном хозяйстве. Но объективно говоря, полёты да-

вались дамам намного тяжелее, чем мужчинам, огромные перегрузки, которые испытывает лётчик, оказались вредны для женского здоровья и грозили бесплодием. Поэтому после окончания войны было принято решение запретить обучение женщин на долгие годы.

Разобравшись в этом вопросе, я приуныла тоже на долгие годы, пока, уже будучи студенткой университета, не наткнулась на информацию про женщин-космонавтов! И призадумалась, а как же они попали в космос? Разве они не были лётчицами?

Оказывается, нет! В аэроклубах были только женщины-парашютистки, из числа которых и набирались первые претендентки для полёта в космос.

Первой космонавткой стала Валентина Терешкова, но её трёхдневный полёт на орбиту в 1963 году оказался не очень удачным, физически тяжёлым и чуть не стоил ей жизни. Её заслуги, безусловно, были признаны на всей планете, поскольку на тот момент только русская женщина совершила этот подвиг, но женский отряд космонавтов был расформирован на долгих девятнадцать лет, и до 1982 года дам в космос больше не пускали.

Следующей советской женщиной-покорителем Вселенной стала Светлана Савицкая, которая совершила два полёта, в 1982 и 1984 годах, и в последнем даже вышла в открытый космос.

С 1983 года такие полёты стали совершать и американки,

а в начале ХХI века — и китайнки, японки, корейнки, французенки и англнчанкн. Но были лн все онн лётчнцн на Земле? Нет! Пннцыпы управленнн космнческнм кораблём ннне.

Но в свон шестннадцать лет я этон всего ещё не знала н, попрощавшнсь тогда сначала с мечтой о небе, а потом н с более земной мечтой о творческой профессин дизайнера, испугавшнсь поступатъ в Строгановку, выучнлась в педагогнческом колледже н ннверснтете, в надежде обрестн вполне себе обычное счастье, как у всех, — «нормальную» профессию.

Но н тут меня ждало разочарованне. Десять лет уже позадн, а я опятъ на том же подоконннке в нулевой точке отсчёта. Что это было? Просто опыт? Для чего?

Сейчас, всматрнваясь в мерцающую тысячами огоньков, тёмную манящую даль, я снова тосковала по дому, не понимая, где он. Почему сндая в своей уютной н такой родной с детства квартнре, я не чувствую себя дома? Почему мне хочется бесконечно смотреть на небо, нчего не делая, нн о чём не волнуясь н ннкуда не спеша. Как будто там есть все ответы. С тех пор как взрослая жизнь буквально обрушнла на меня бетонную плнтупотерь, забот н разочарованнн, мне казалось, что это пустая трата драгоценного времени, которон н так мне вечно нн на что не хватало. Но на самом деле мне недоставало нменно моего подоконннка н спокойного, тихон мерцаннн загадочных звёзд. Я скучала по своей

мечте, пусть и несбыточной.

Как же я любила наблюдать за сияющими огоньками в небе. Мне казалось, что они подмигивают мне и что-то шепчут...

Вот и сейчас я слышу их шёпот снова и снова и знаю, скоро что-то произойдёт. С детства я чувствовала это присутствие звёзд внутри себя. Глядя в небесную темноту, я вдруг замечала их более яркое мерцание и одновременно поднимающийся трепет в груди. Сначала мне было страшно от этих ощущений, я начинала плакать и бежала к матери. Она никогда не прогоняла, крепко прижимала и тихонько гладила по голове. Я успокаивалась, а наутро обязательно что-то происходило: я обжигала руку или разбивала любимую чашку, я могла получить выговор в школе или, наоборот, неожиданный подарок от кого-то или высшую оценку. События всегда были разными, и огорчающие меня, и радующие, но обязательно трогающие до глубины души. Я не сразу, но поняла взаимосвязь трепета от мерцающих звёзд с происходящими впоследствии событиями и, когда осознала, то испугалась ещё больше. Я решила никому об этом не рассказывать, чтобы меня не сочли за сумасшедшую, а продолжала наблюдать. Со временем оказалось, что если моё сердце словно наливается тяжестью, то будет что-то не очень приятное или даже печальное, а если оно легко трепещет, как лепесток на ветру, то я могу быть спокойна — впереди удача или радость.

Вот и сейчас, всматриваясь в мерцающую тысячами созвездий тёмную манящую даль, я снова почувствовала этот трепет. Но впервые не смогла определить его природу: сердце то сжималось от сильного напряжения, стремясь втянуть в себя всё пространство вокруг, то вдруг раскрывалось, расходясь в стороны тысячами взорвавшихся лёгких, невесомых частиц в радостном ожидании. Это было похоже с рождением сверхновой звезды, и такие ощущения я испытывала впервые, оттого то радость, то необъяснимая тревога нарастала внутри. Я точно знала только одно: что-то будет...

— Эс, где мы находимся? Есть необычные объекты в поле видимости? — следуя зову своего мятущегося сердца, спросила я у своего бортового компьютера, моей верной и самой лучшей подруги.

— Нет, капитан. Горизонт чист, через два часа прибудем в звёздную систему Ахирд, — отвечала она мягким, мелодичным и успокаивающим (насколько это возможно для искусственного интеллекта) голосом.

Я никогда не сомневалась в Эсперансе или Эспе, или ещё короче — Эс, как я ласково называла её. За несколько лет мы стали неразлучны, и даже вне корабля, который носил такое же название «Эсперанса», моя электронная подруга всегда была рядом, в моём энергобраслете. Такие высокотехнологичные гаджеты могли позволить себе лишь королевские особы и лучшие выпускники лётной академии. Я являлась и той и другой, но никогда не кичилась этим, и в обычной жиз-

ни предпочитала скрывать свой браслет под длинным рукавом комбинезона. Я не любила излишнее внимание к себе и уж тем более не хотела особого отношения из-за своего статуса. О том, что я принцесса, младшая дочь королевы Алайи Анаит, знали не многие. Кроме того, я никогда не претендовала на трон — это была привилегия моей старшей сестры, Аиши, — и поэтому родители позволили мне самой выбрать свою судьбу.

С раннего детства я любила летать. Отец почти всегда брал меня с собой на межгалактические конференции. С ним я посетила ни одну планету и не переставала восхищаться разнообразием миров и представителей их рас, разнообразием флоры и фауны. Но больше всего я любила само ощущение полёта, когда держишь штурвал в руках, маневрируешь и понимаешь, что эта огромная машина чувствует и подчиняется тебе, позволяет вести себя, и одновременно сама является проводником во Вселенной. Моё сердце пылало восторгом от одной мысли, что можно побывать почти в любой галактике и почувствовать свободу в этом необъятном пространстве космоса. Поэтому выбор после школы был более, чем очевиден, — лётная Королевская академия.

Единственным условием моих венценосных родителей было управление гражданским шаттлом, а не военным. Я была на всё согласна, лишь бы летать, тем более что политические дела меня никогда не интересовали. Тогда никто из нас и подумать не мог, что наши соседи с Мидаса неожидан-

но снова начнут активные боевые действия, и меня, как лучшую выпускницу, сразу зачислят в курсанты военного флота, а уже через полгода я стану управлять звездолётом королевской флотилии. Как родителям не было страшно за меня, но военное положение и мнение командора флота считалось в приоритете. И им пришлось смириться — вернее, отец уговорил мать принять этот факт, зная мою невероятную страсть к полётам, высокую ответственность и талант к управлению кораблями. Я ни разу в жизни ещё не подводила отца. Король настоял только на том, чтобы у меня был свой личный межгалактический корабль, чтобы я могла в любой момент, когда того потребуют правительственные дела, прибыть во дворец. Командование пошло на уступки, поскольку я всё-таки была принцессой. Вот здесь я впервые была рада своему особому статусу.

Я выбрала «Эсперансу». Вернее, это она выбрала меня. Среди множества суперсовременных кораблей, напичканных огромным количеством датчиков, сенсоров и программ управления, мне ни один не нравился. Кроме компактного размера и элегантного внешнего вида — да-да, эстетика всегда имела для меня огромное значение, — мой челнок должен был иметь встроенный искусственный интеллект биологического типа, а не просто отлично выполняющего команды робота. Из-за моего статуса и частых перелётов у меня совсем не было друзей, с которыми я могла бы поговорить по душам, и такой помощник, он же «друг», был мне край-

не необходим. Но подобные корабли стали большой редкостью, поскольку задушевные разговоры с искусственным интеллектом были нынче не в моде, в период войны все хотели расслабиться и развлечься, а не философствовать.

Обойдя весь ангар и отчаявшись найти то, что мне нужно, я устало прислонилась спиной на невзрачного вида старенький звездолёт, стоящий весь в пыли в самом углу. От моего прикосновения он неожиданно завибрировал и словно ожил: по периметру корпуса побежала голубая полоса, очерчивая все его изгибы и особенно выделяя кабину пилота, напоминающую голову птицы с острым клювом из тех далёких времён, когда они ещё обитали на нашей планете. Я видела таких пернатых только на голографических страницах старого учебника «Флора и фауна планет галактики Кассиопея». Такие птицы жили раньше на Мидасе — планете наших врагов, — но для меня это не имело значения. Я изучала всё, что было связано с природой обеих планет в звёздной системе Ахирд, и на то у меня была причина.

Я заинтересовалась кораблём, протянула руку и погладила обшивку, несмотря на пыль. По корпусу пробежала новая световая волна. Машина вела себя будто живая, реагируя на мои прикосновения. Я попросила показать мне челнок изнутри и влюбилась в него с первого взгляда.

— Спасибо, Эс, если что-то появится в зоне видимости, предупреди. Я немного вздремну. Не хочу показаться перед родителями уставшей. Иначе они снова начнут меня угова-

ривать остаться дома насовсем.

— Хорошо, Джои, отдыхай, — ответила Эспа, приглушила свет и включила тихую мелодию. Эс лучше меня знала, что мне нужно.

Я прикрыла глаза в надежде хоть немного поспать.

Тревога немного отступила, а вот мысли не хотели оставлять в покое. Возможно, эти ощущения стали последствием воздушного боя с мидасцами, в котором я вчера принимала участие. Они снова напали на нас, когда мы патрулировали дальние рубежи. Мы отбили их атаку и несколько кораблей взяли в плен, доставив на межзвёздную станцию «Центурион» для допроса. Дальше была не моя забота, мне позволили отдохнуть и слетать к родным.

Я села в свой звездолёт и совершила прыжок в гиперпространство к созвездию Кассиопея. Оставшееся расстояние до родной звезды Ахирд я намеревалась преодолеть, не торопясь: мне хотелось подольше побыть одной и подумать над происходящим, прежде чем я прибуду во дворец, поэтому я включила автопилот и устроилась поудобнее в широкой нише у иллюминатора. Ещё несколько часов лёта до прибытия домой, на родную планету, мою любимую Нирею. Я не была там три месяца и ужасно по всем соскучилась, но для начала надо было привести себя и свои мысли в порядок.

Я не любила войны, они несли смерть и разрушения, но наша вражда с соседней планетой Мидас была неизбежна и длилась вот уже несколько веков, переходя с завидным по-

стоянством из активной стадии в перемирие и обратно. Никто уже не помнил, кто первый её начал. Каждый обвинял соседа и хотел обладать Источником всего живого, дающего благосостояние и процветание обеим сторонам. Эту историю знали все, её рассказывали нам ещё в школе.

В начале времён богиня любви Чинтах, даруя жизнь двум планетам, Нирее и Мидасу, вращающимся вокруг двойной звезды Ахирд в созвездии Кассиопея, разъединила свой источник на две части, Чин и Тах, чтобы оба мира жили в любви, согласии и питались дарами плодородной почвы, наполняющейся его живительной энергией. Сила энергии богини была заключена в фиолетовом кристалле. Разъединив его на две части, один — синий кристалл Чин — она даровала планете Нирея, а вместе с ним и энергию мудрости, интуиции, ясновидения и женского начала; второй — красный кристалл Тах — достался Мидасу и нёс в себе силу, мужество, страсть, дар целительства и мужское начало.

На Ниреи забили ключи и водопады, появились моря и океаны, а на Мидасе образовались прекрасные леса и горы. Обе планеты процветали, и её жители построили храмы Чин и Тах в честь богини, где хранили свои половинки кристалла — источники энергии всего живого.

Жителей обеих планет богиня тоже одарила уникальными способностями. В королевском роду Анаит на Нирее рождались провидцы и женщины-предсказательницы, а в роду Кариадус на Мидасе — великие целители и ведуньи. Кро-

ме того, всех без исключения жителей обеих планет, Чинтах наделила возможностью после заключения союза истинной любви видеть золотистые связующие нити, чувствовать друг друга и понимать без слов. Все были довольны: радовались дарам и цветущим садам, журчанию ручьёв, смеху детей и спокойному созиданию, были хорошими соседями и заключали межпланетные браки. Почитали богиню и избранных хранителей, обладающих особо сильными дарами.

В изобилии и благополучии прошло несколько тысячелетий. Но кассиопейцы со временем стали алчны и ненасытны от обилия благодати, им стало мало своей части кристалла. Одни захотели иметь оба Источника, чтобы богатств было ещё больше. Они украли живительный кристалл из Храма соседей.

Последствия этого были ужасны. Лишившись родной энергии, планеты стремительно угасали, моря и реки иссыхали, горы разрушались, а земля превращалась в растрескавшуюся каменистую поверхность, всё живое погибало, райские сады становились мёртвой пустыней. Так происходило то на одной планете, то на другой, потому что жители не могли смириться с происходящим и крали Источник друг у друга с завидным постоянством, находя всё более изощрённые способы удерживать священный кристалл у себя, как можно дольше. Но возрождая на время природу своей планеты, они убивали всё живое на соседней, не признавая, кто стал первым вором. Ведь тогда бы пришлось отдать Источник навсе-

гда противоборствующей стороне и признать свою вину, и даже если согласиться вновь поделить кристаллы, то это тоже обозначало бы признание себя виноватым. Гордыня, называемая в обоих мирах честью и долгом, не позволяла сделать этого ни одной из сторон, поэтому борьба за обладанием живительной энергией велась ни одно поколение и не знала конца. А кристаллы тем временем всё больше угасали. И страдала от этого не только природа, жители утратили связующую нить, разучились слышать и понимать друг друга и перестали верить в силу любви.

Богиня Чинтах разочаровалась в кассиопейцах, обесценивших любовь и не способных договориться меж собой, не готовых жить в мире и согласии, не готовых делиться друг с другом дарами. Тогда она лишила кристаллов обе планеты, спрятав их где-то и оставив лишь малую искру в назидание о прошлом. Жители, пытаясь сохранить остатки былой жизни, построили огромные города-купола и подземные резервуары, создавая искусственный оазис. Но без кристаллов и там почти не было растительности, а немногочисленные сухие коряги, оставшиеся на поверхности планет торчащими скелетами, лишь напоминали об утерянном благополучии. Цветы и животные жили только на картинках виртуальных книг, а сами купола были наполнены проекциями дополненной реальности былого величия. Новые поколения, глядя на голограммы, не могли поверить, что планеты ещё пару веков назад утопали в зелени, что в реках плескалась рыба, а в ле-

сах обитали звери, что в небе можно было увидеть настоящих птиц, а не только железных. И как бы ни старались архитекторы, биологи и генетики, искусственные города с теплицами были лишь жалким подобием былого величия.

Вражда с каждым годом становилась только сильнее. Мидасцы и ниреянцы ненавидели друг друга, каждая сторона обвиняла соседа за гнев на них богини Чинтах. Прекратилось всяческое межпланетное общение, кроме военных столкновений. Меня сильно печалило это, и сколько бы я ни уговаривала родителей пойти на компромисс и начать мирные переговоры с врагами, в ответ слышала категоричный отказ: «Мы никогда не пойдём на поклон к предателям».

Но я не оставляла надежду. И поэтому, когда искала себе шаттл, увидев светящуюся «Эсперансу», почувствовала, что вот она — моя надежда. И не ошиблась. Эспа оказалась отличным кораблём и подругой, с ней мы облетели уже несколько галактик в поисках информации, как возродить энергию жизни, как заслужить прощение и милость богини, как найти пропавшие кристаллы.

В одной из книг в галактике Плеяд я нашла известное всем пророчество, что только истинная любовь двух сердец из королевских семей с враждующих планет, соединившись в браке, могут возродить Источник и всё живое в обоих мирах. Но такое невозможно было представить, ведь с рождения детям обоих властвующих родов прививали ненависть к соседу, укравшему когда-то магический артефакт, к тому

же в само пророчество никто уже не верил. Когда я пыталась рассказывать о нём, многие отмахивались и настаивали на том, что, только сокрушив противника и проникнув в его дом, они обязательно найдут заветную пропажу в виде кристалла, дарующую энергию жизни и изобилия. Хотя ни как выглядел кристалл, ни где его искать никто понятия не имел. Вся информация, касающаяся артефакта, таинственным образом пропала из наших архивов много лет назад, а мидасцев и ниреянцев, видевших кристалл вживую, и их потомков уже давно не осталось.

Что же делать? Неужели мы так и погибнем, захлебнувшись ненавистью друг к другу? Только мать внимательно выслушала меня и поверила в пророчество. Её предки обладали дарами предвидения, но до нас дошли лишь отголоски былых способностей, которые королева хранила и всячески практиковала, чтобы не утратить оставшееся. Заметив во мне искру дара, она ежедневно занималась со мной, стараясь развить каналы ясновидения и яснознания. Завистливая Аиша, моя старшая сестра, тоже обучалась, углядев в даре способность всячески манипулировать бесконечными поклонниками.

Я не заметила, как пролетело время за размышлениями. В попытках уснуть я проворочалась два часа и сдалась. Выплюсь дома. Может, спокойная обстановка дворца и мамины целебные отвары помогут мне хоть немного расслабиться и отвлечься от гнетущих мыслей.

Я открыла глаза, увидела в иллюминаторе Нирею, мою умирающую планету. Никакие высокотехнологичные купола и учёные не могли спасти её и вновь превратить в край озёр, рек и морей. А я так мечтала увидеть своими глазами, а не на голограммах королевской библиотеки, настоящие водопады или пройтись по берегу океана и ощутить на лодыжках набегающие прохладные волны. Сейчас сверху, из космоса, Нирея была похожа на оранжевый бугристый и потрескавшийся от времени мяч, покрытый облаками пыли, а ведь когда-то наша планета была полноводной голубой красавицей. Вернуть ей былую красоту — стало моей заветной мечтой, навязчивым. И помочь ей сбыться мог только Источник всего живого богини Чинтах, в существование которого я верила и тайно искала уже много лет.

Неожиданно одна из звёзд привлекла моё внимание. Она ярко вспыхнула и стала неумолимо быстро расти. Одновременно я услышала сигнал, предупреждающий об опасности, и мелодичный синтезированный голос:

— Джои, справа по борту приближается неопознанный объект в окружении метеороидов.

Только этого мне не хватало. Эти противные мелкие осколки астероидов я не любила больше всего. Повредить корабль серьёзно они не могли, но вот изрядно попортить внешний вид запросто. Но откуда они взялись?

Я тут же кинулась за пульт управления и схватилась за штурвал. Ремни безопасности автоматически со всех сторон

оплели моё тело в бледно-голубом обтягивающем комбине-
зоне и соединились на груди, кресло приняло меня в свои
родные объятия, и я чётко произнесла:

— Эспа, переведи корабль на ручное управление.

— Сделано, капитан.

Взяв ситуацию в свои руки, я ловко маневрировала, пы-
таясь уклониться от стремительно надвигающейся опасно-
сти. И пугали меня не метеороиды, а предмет, что нёсся в их
окружении с такой скоростью, что мой человеческий глаз не
мог различить, что это. Объект странно себя вёл, то появля-
ясь в поле видимости, то исчезая.

— Эс, идентифицируй объект, возможно, это астероид.

Только вот я никогда не видела, чтобы астероид прыгал
туда-сюда, как пиксель на мониторе, исчезая и появляясь
вновь.

— Я пытаюсь, Джои, — произнёс искусственный голос и,
помолчав несколько долгих мгновений, продолжил: — Это
шаттл, капитан, но он сильно вращается и явно лишён управ-
ления.

— Какого фрактала он здесь делает и почему постоянно
исчезает? — вслух выругалась я, напряглась и пригото-
вилась к нападению. Но шаттл продолжал вращаться и бешено
нестись в сторону Мидаса, будто и не видя меня вовсе. Это
придало мне уверенности: я хоть и боевой лётчик, но ещё
никогда не оставалась с врагом один на один. А я каким-то
внутренним чутьём ощущала, что это враг. Но Эспа не ожи-

данно огорошила меня своим заявлением:

— Я уловила слабый сигнал, капитан. Это шаттл нашей флотилии, и у него нарушена система управления. Он совершил не менее пяти гиперпрыжков и, пытается сделать это снова.

— Можешь рассчитать, откуда он здесь взялся и куда направляется?

— Он совершил последнее перемещение в гиперпространстве в районе Ориона и, судя по траектории движения, стремительно падает в сторону Мидаса.

— Падает?..

— Да, капитан, мои расчёты показывают...

Я не стала дослушивать Эс и скомандовала:

— Рассчитай траекторию приземления. Я следую за ним, пилот, скорее всего, без сознания. Я попробую ему помочь. Надеюсь, он ещё жив...

Эсперанса вывела координаты на дисплей и направила корабль вслед стремительно удаляющемуся шаттлу. Надо было что-то придумать, чтобы замедлить его падение.

— Эспа, набрось на шаттл энергосеть. Помнишь, как мы ловили астероиды в районе звезды Шедар?

— Отличная идея, капитан, попробую, но сначала нам надо успеть его догнать, пока он не достиг планеты.

Я наблюдала в лобовом иллюминаторе капитанского мостика, как из люка моего челнока в течение нескольких минут вылетала очередная энергетическая сеть, похожая на

огромный сияющий парус, в попытках захватить неуправляемый шаттл, и молила Чинтах, чтобы нас не атаковали мидасцы. Но на удивление всё было тихо. Времени разбираться, почему и отступать уже не было, мы были на критическом расстоянии от входа во вражескую атмосферу — надо было успеть закончить дело. В последней попытке Эс удалось, наконец, приблизиться и обхватить уже загоревшийся звездолёт в то самое мгновение, когда он входил в атмосферу планеты. В момент захвата корабля сетью я почувствовала, как мой челнок сильно дёрнуло вперёд и понесло следом с не меньшей скоростью.

«Это оказалась не такая уж отличная идея, — промелькнула мысль, когда через несколько секунд я поняла, что падаю вместе с пострадавшим объектом. — Не хватало ещё и самой в плен попасть. Отец убьёт меня».

— Эспа, включи все тормозные двигатели на полную мощность. Надеюсь, нам удастся приземлиться с наименьшими потерями, — произнесла я, уже понимая, что и наше падение неизбежно.

— Предлагаю сбросить энергосеть, капитан, чтобы не повредить наш корабль.

— Ни в коем случае, так мы потеряем пострадавший шаттл точно. Продолжаем экстренную посадку, и да поможет нам богиня Чинтах, — уже еле слышно одними губами произнесла я, разглядывая на мониторах сканируемую под нами скалистую поверхность. Она неумолимо приближалась и по-

разила меня кратковременным резким фиолетовым всплеском, напомнившим подмигивание звёзд перед опасностью.

«Я подумаю об этом потом, — мелькнула мысль. — Скорее всего, это обман зрения из-за резкого торможения».

— Эс, определи координаты нашего падения и передай их в центр управления на Нирее, — последнее, что успела командовать я, прежде чем моя голова резко наклонилась вперёд и тут же от сильного удара отлетела назад. Моё сознание погасло...

Я встала с пола, потирая ушибленный затылок. Вот недо­тёпа. Надо же было так крепко уснуть и свалиться с подоконника.

Посмеявшись над своим нелепым падением и всё ещё ощущая острую боль, я направилась к плите. Спать больше не хотелось, хотя часы показывали уже два часа ночи. Я сварила себе кофе, налила его в большую любимую чашку, будто выдолбленную из единого куска малахита, и снова села на подоконник, наблюдая, как бархатная пенка расплывается по орехово-коричневой поверхности напитка, а её пузырьки надувают свои прозрачные животики, показывая, кто из них круче всех. Мне стало смешно: всё, как в жизни. Каждый пытается показать себя с лучшей стороны, а на самом деле, чем больше пыжится, тем быстрее лопается, как эти пузырьки в чашке, оставляя лишь круги на кофейной глади.

Вдруг заметив краем глаза за стеклом ярко мигнувшую

звезду, я резко задрала голову кверху и слегка стукнулась об откос окна. Эта вспышка и новая боль в затылке прояснили память.

«Падающий шаттл... Эсперанса... Космические войны и пророчество об Источнике богини Чинтах... — Приснится же такое. Я невольно помотала головой, чтобы стряхнуть морок. Но чем больше трясла, тем больше картинок всплывало. — Джои, Мидас, Нирея...»

На последних мыслях я вдруг замерла.

— Стоп! Нирея?!

Глава 4. Энергия жизни

— Мила, почему в свои двадцать девять лет я чувствую себя уже такой уставшей и опустошённой? — в отчаянии вопрошала я тренера, всё ещё сидя на коврике и не желая уходить после очередного занятия йогой, которую я посещала вот уже месяц. Это были не просто занятия, укрепляющие мышцы тела. Милана умело сочетала асаны с дыханием, учила нас медитации, погружению в своё подсознание и саморефлексии. Йога оказалась не разновидностью фитнеса, а путём самосовершенствования и духовного роста. Что удивило меня, а главное — это стало тем самым пазлом, который я так долго искала.

С той ночи, когда я свалилась с подоконника, сны о голубоглазой незнакомке я перестала видеть. Я уверила себя, что это йога так положительно повлияла на меня и успокоила. Даже начала забывать о них и решила больше никому не рассказывать о своих сновидениях: мало ли что придумает моё больное воображение, ведь я так мечтала в детстве о полётах в космос. Хотя мне было бы любопытно узнать, что же там случилось с этой Джои и удалось ли ей спасти шаттл. И имя какое красивое Джои — радость. Мне так стало не хватать радости в жизни.

Ещё несколько дней после того падения картинки чётко стояли перед глазами: бескрайний космос с россыпью звёзд,

две планеты Нирея и Мидас, вращающиеся вокруг двойного солнца, звезды Ахирд. Всё это так необычно и невероятно красиво — и завораживающе. Вот бы увидеть такую картину реально своими глазами, а не в воображении. Хотя и тогда мне показалось, что всё, за чем я наблюдала, было не сном. настолько чётко я слышала голос Эспы и Джои. Нет, даже не так, мне показалось, что это я говорила голосом Джои и остро ощущала всё происходящее: я рассуждала её мыслями, чувствовала тревогу и переживания за участь обеих планет, чувствовала, как скучаю по дому и родным, но при этом дорожу своей свободой и просто одержима найти Источник, который спасёт Нирею...

Теперь я знала, что это — планета! Как и то, что именно голос Джои я так настойчиво слышала в своих снах на протяжении двух недель — голос, зовущий маму. Только последний факт остался для меня загадкой. Зачем она зовёт мать? Однако больше меня поразило то, что я переживала эмоции этой космической девушки, как свои собственные, и знала, что она сделает в следующий момент. Мало того, я долго чувствовала настоящую боль в затылке, когда проснулась, хотя точно помню, что, свалившись с подоконника, головой не ударялась.

Первое время картинки сновидения не покидали ни на минуту — меня даже стали одёргивать на работе, мол, я витаю в облаках. Они так глубоко запали в душу, что мне уже реально захотелось бросить всё и нестись спасать умираю-

щую Нирею. Я даже облазила весь интернет в поисках: а нет ли такой планеты на самом деле?

Планеты не оказалось, зато я узнала, что в созвездии Кассиопея действительно есть двойная звезда под названием Ахирд. Удивительно! Это одна из красивейших звёздных пар, альфа которой аналогична нашему Солнцу — тоже жёлтый карлик, почти с такой же массой и диаметром, — а это значит, что вероятность существования вокруг неё планет, аналогичных нашей Земле, очень высока.

Эта информация глубоко поразила меня. Так хотелось верить, что где-то далеко в космосе действительно существуют экзопланеты, подобные нашей, и что на них живут... Кто?.. Люди?.. Или...

Но доказать или опровергнуть факт существования вокруг Ахирда планет современные астрофизики пока не могут, поэтому я перестала думать о них и сосредоточилась на земных насущных проблемах, а именно: работе, посещении йога-клуба и беседах с Миланой.

Мне так понравилось заниматься, что я стала ходить в клуб трижды в неделю и делать ежедневные практики дыхания и полчасовой комплекс йоги по утрам. Вот только вставать в 5:30 пока было выше моих сил, особенно в преддверии зимы.

Кроме урока йоги в воскресенье в клубе, я с нетерпением ждала вечера каждого вторника и четверга, чтобы с удовольствием растянуть своё тело там же в позе собаки, голубя, тре-

угольника или воина. Я закрывала глаза и видела себя этим воином, как наяву. Через месяц регулярных тренировок я уже могла не шатаясь стоять на одной ноге, представляя себя настоящим деревом, тянущимся руками-ветвями к небесам, а корнями стремящимся к центру Земли. Эти упражнения невероятно успокаивали мою нервную систему и укрепляли все мышцы без необходимости нагружать их «железом», как называли в спортивном зале тренажёры. Я никогда не любила мучить себя этими бездушными игрушками для качков. Вот только я не переставала чувствовать себя уставшей, моей жизненной энергии едва хватало до вечера. И это не давало мне покоя, поэтому я продолжала мучить Милану своими нескончаемыми вопросами после каждого занятия. Вот и сейчас она терпеливо продолжала объяснять:

— Потому что ты бездумно тратишь всю свою энергию, сливаешь её добровольно на негативные эмоции и обиды, слёзы и чувство одиночества, нелюбимую работу, походы в клубы и на алкоголь, чтобы заглушить свою внутреннюю боль, на разочарования и бесконечное проживание событий прошлого.

Мне было немного неприятно слышать эти слова, но она снова была права. И вообще, эта потрясающая, стройная и вечно сияющая улыбкой женщина восхищала меня своим спокойствием и внутренней гармонией. Когда я узнала, что ей уже сорок шесть лет, — мягко говоря, была в шоке: я думала, она чуть старше меня. Милана прекрасно выглядела и,

как мне казалось, знала ответы на всё, хотя и утверждала, что все знают эти ответы сами, лишь боятся заглянуть внутрь себя. Я искренне училась не страшиться этого. Училась, впитывая каждое слово как живительную влагу. Я чувствовала себя цветком в пустыне без воды, который поливают и поливают, а он никак не может напиться, чтобы набраться сил и поднять свой бутон к солнцу. Открывая в себе воспоминания прошлого о том, как я жила раньше, я только падала всё глубже в колодец своего подсознания и не видела в нём ни конца ни края.

Но Мила говорила, что это нормально, так должно быть, чем глубже я погружусь в себя, чем больше вспомню и чем больше событий прошлого осознаю как необходимый опыт и отпущу, тем станет легче. Ведь именно всё неотпущенное и недопрожитое в прошлом, утрамбованное в глубины подсознания, и не даёт мне возможности взлететь и радоваться настоящему.

Это я понимала, хоть и не всё ещё прожила и отпустила. — Мила, но неужели ходить в клубы и веселиться — это плохо? — с небольшой обидой продолжила я мучить тренера вопросами. Я периодически заходила ещё в бар, чтобы расслабиться после работы с бокалом мартини и перекинуться парой шуток с барменом. Иногда даже танцевала и с завистью смотрела на поющих в караоке. Мне тоже хотелось, но детские воспоминания о медведе и ухе навсегда отбили у меня желание осуществлять мечту. — Ну, что нехорошего

в том, чтобы смеяться, получать удовольствие и общаться с друзьями? — вопрошала я.

— Учись мыслить шире, дорогая. Конечно, общение с друзьями, смех и положительные эмоции продлевают жизнь, поднимают настроение, делают тебя искренней и более расслабленной, они наполняют энергией самой жизни. Но всё дело в том, как, где и с кем ты веселишься. Вспомни своих друзей в баре. Действительно ли они твои друзья, и искренне ли было твоё веселье?

Я молчала, понимая, куда она клонит. Перед глазами всплывали картинки бурной юности: образы полупьяных незнакомцев, которым было всё равно, кого прижимать по углам; полуголых ушлых девиц, жадно выискивающих богатеньких мажоров, или таких наивных дурочек, как я, считающих в свои девятнадцать лет, как это круто, когда тебя хочет каждый второй мужчина в этой какофонии звуков, сверкающих огней и льющегося рекой алкоголя. А действительно, зачем я туда ходила, и кто были все эти люди? Тогда я не задумывалась об этом. Ходить по тусовкам, зажигать всю ночь в клубе было модно и круто, ведь мне не хотелось ни в колледже, ни в универе прослыть заучкой, какой я была в школе. Тихая серая мышка наконец вырвалась на свободу из родительской клетки, из-под вечной опеки и собственных страхов. Страхов, которые заставили меня в детстве замереть и превратиться в эту серую незаметную мышку.

Никогда не забуду, как в семь лет, возвращаясь из школы,

я, доверчивая улыбчивая девочка, вошла в лифт с обычным мужчиной, ничем не отличающимся от сотни других, который вдруг превратился в монстра в моих глазах. Нажав на кнопку «Стоп», он стал ощупывать меня, останавливаясь и поглаживая в самых укромных местах. Именно тогда мною впервые овладел настоящий животный страх, сковав всё тело и душу. Я как кролик замерла в углу кабинки и не могла ни пошевелиться, ни пикнуть. Я даже не сопротивлялась — до сих пор не понимаю почему?! Мне было так страшно, что память о внешнем виде этого извращенца заблокировалась намертво, помню только громаду, нависшую надо мной, и руки, эти мерзкие огромные, горячие, шарящие у меня между ног, руки... Каждый раз невольно вспоминая тот день, я чувствовала, как колючий шершавый комок формируется в моём горле, мешая снова дышать.

На моё счастье, нетерпеливые соседи, долбящие в дверцы вдруг остановившегося между этажами лифта, спугнули этого мерзавца. Он нажал на кнопку предпоследнего этажа, который я назвала своим, заходя в кабину, и вытолкнул меня на площадку перед квартирами с круглыми от шока глазами, а сам поехал выше. Я стояла в оцепенении, без слёз, не понимая, что произошло и что делать дальше. Липкое чувство страха от произошедшего как будто в один миг отгородило моё сознание от радостного детства, оставив его где-то далеко позади. Я резко повзрослела. Что-то рухнуло внутри меня, что-то чистое и светлое словно перестало существовать.

Я чувствовала себя ужасно плохой и мерзкой, раз со мной произошло всё это. Ведь с хорошими девочками не происходит такое...

Единственное, что я запомнила после, — орущую и плачущую мать, которая схватила меня за руку, увидев растерянное лицо с застывшей каплей ужаса, и потащила по ступенькам на верхнюю лестничную клетку. Я не понимала зачем. Воздух стал словно вязким — до меня доносился её голос, как сквозь толщу воды. Как она узнала, что надо идти туда, наверх? Я не помню. Вероятно, я всё же что-то рассказала. Она звонила в каждую дверь и нервно спрашивала меня: «Он?», тыча пальцем в очередного соседа. Я не помню, что отвечала. Мать напугала меня ещё больше: я чувствовала, что произошло что-то очень плохое.

Шок и страх на долгие годы поселились во мне. Сейчас я понимаю, что именно тогда в моей голове закрепилась мысль: быть девочкой опасно. И, вероятно, ещё тогда, подсознательно, я запретила себе быть красивой, обаятельной, чтобы не привлечь больше ничьё внимание и чтобы не дай бог ни у кого никогда не возникло желания снова прикоснуться ко мне против моей воли.

Потом, когда я стала подрастать и видеть в зеркале, как формируется моё тело, обретая плавные изгибы и округлости, я подолгу закрывалась в ванной и плакала, прося Бога, чтобы моя грудь не выросла. Зачем я просила это, я поняла только сейчас — чтобы не стать привлекательной женщи-

ной. Вместе с тем, видя в школе, как ухаживают мальчики за другими девочками, всегда удивлялась, что со мной не так, почему я никому не нравлюсь. Сделав вывод, что я никому не нужная уродина, ещё больше замкнулась в себе. А когда мне прописали очки, вообще отчаялась и поставила на себе крест. Уродов не любят!

Это произошло ещё в подростковом возрасте, когда гормоны правят балом и мозгами. Тогда я не осознавала, что формирую запреты и установки внутри, сама себя загоняя в угол заранее отверженных неудачниц. И чем сильнее было уничтожение себя, тем больше внешне хотелось любви и заботы, потому что внутри я сама лишила себя этого, не считая достойной. Я плохая девочка! Я усиленно продолжала искать и ждать любви, ждать того, кто подтвердит, что я красивая и привлекательная, но при этом не набросится на меня против воли.

Сейчас я пребывала в шоке от инсайтов, разрывающих мой мозг, от понимания, как из года в год я сама шла к краю пропасти под названием «разочарование». Но тогда, в семь лет, мне было просто страшно — я невольно заморозила в себе женщину на долгие двадцать два года и всё это время только изображала её внешне, будто играя роль в кино!

Ведь тогда, не найдя мерзавца и успокоившись, вместо того, чтобы поговорить о произошедшем, мы с мамой предпочли сделать вид, что ничего не было, — я из-за страха, а она, вероятно, в надежде, что всё со временем забудется.

И я честно пыталась всё забыть, но сны не давали мне покоя, каждый раз подкидывая изображение кабинки того несчастного лифта. Я была там уже одна, всегда одна, словно выброшенная и никому не нужная, а лифт ехал и ехал, не выпуская меня из своих цепких объятий и всё больше скользя страхом.

— А-н-я, — услышала я голос, но он был как тогда, в детстве, словно в аквариуме, вязкий, растянутый на отдельные буквы. — А-н-я, с то-бо-й всё в по-ряд-ке? — продолжал вопрошать голос.

Тряска за плечи вывела меня из зыбких воспоминаний, и я прошептала:

— Да, да, всё хорошо... просто вспомнилось кое-что...

С последними словами слёзы ручьём полились наружу. Я снова плакала, не в силах остановиться. Я считала, что давно забыла это, ведь уже прошло несколько лет, как мне перестал сниться тот злосчастный лифт, и память больше не издевалась надо мной воспоминаниями. «Время лечит», — любила говорить мама, с грустью опуская глаза. Но реальность показывала обратное. Я вдруг поняла, что ничего не забылось и не излечилось, я просто загнала свои страхи прошлого очень-очень далеко в надежде, что они больше никогда меня не побеспокоят. Я никак не могла ожидать, что обычный разговор о клубах и школе вдруг потревожит такие глубокие захоронения моей души.

Милана просто прижала меня к себе и тихо гладила по

плечам, как будто всё знала без слов. Она ничего не спрашивала, давая мне возможность выплакать всю накопившуюся боль. И я была ей благодарна за это. Порой не нужно слов, чтобы поддержать человека, достаточно тёплых объятий. Всем нам нужна тихая забота и понимание, дружеское плечо в моменты горечи, без расспросов и желания вывести тайны, а главное, — без желания спасти и помочь вынырнуть из сложившихся обстоятельств. Это желание должно родиться само. Человеку иногда надо поплавать в своих страданиях, насладиться или пресытиться ими, чтобы захотелось самому искать спасение. Главное, не утонуть в этих страданиях.

— А ты любишь мороженое? — вдруг ни с того ни с сего вместо вопросов о том, почему я плакала, поинтересовалась Мила. Я кивнула, всё ещё шмыгая носом.

— Тогда, марш переодеваться. Мы идём гулять в парк. Мороженое — отличное лекарство от девичьей хандры! К тому же сегодня на удивление солнечная погода для середины ноября. Пойдём ловить последние тёплые лучики солнца, пока зима окончательно не заглянула в наши края, — весело подмигнув, сказала Милана и резво подскочила с соседнего коврика для йоги. — Догоняй...

Я посмотрела на удаляющиеся пятки и подумала, что тоже хочу так жить. Радостно и легко, как Мила. «Я обязательно научусь», — твёрдо решила я, утирая последние мокрые дорожки со щёк и отправляясь в душ вслед за упорхнувшей

богиней...

Мы долго гуляли по парку в тишине меж кленовых деревьев, уже почти сбросивших свои яркие парчовые кафтаны и застенчиво прикрывающихся остатками листьев. Мне так нравилось слушать их шелест на веточках и шуршание под ногами. Я подняла глаза к синему небу, что так редко бывает в конце осени, и застыла в восхищении. Невероятно глубокий морской цвет и облака-кораблики возвращали меня мысленно в лето, которое я безумно любила. И только изредка падающие листочки-паруса, гонимые уже холодным ветром, напоминали о том, какое сейчас время года на самом деле.

— Правда, они прекрасны? И летящие одинокие жёлтые странники, и запоздалые крики птиц, и эти пышные кучки небесных взбитых сливок, напоминающих ванильное мороженое, — мечтательно, будто озвучивая мои мысли, произнесла Милана.

Она закрыла глаза и стала кружиться, вторя танцу падающих листьев. Я тоже прикрыла веки и вдохнула прохладный воздух всей грудью.

Как же это здорово просто быть здесь и сейчас, не думая, не заботясь, не переживая и не вспоминая ни о чём. Просто быть в моменте! Только я и ветер!

Я раскинула руки в стороны, представляя себя птицей, парящей в облаках. Есть только я и небо! И вдруг мне показалось, что я лечу над городом и нет никого вокруг, — и мне не

страшно и не одиноко. Только я-птица и бесконечная синева... Чистый восторг! Мне захотелось обнять весь мир своими руками-крыльями!

Очередной пронизывающий порыв ветра, сорвавший жёлтую беретку с моей головы, мгновенно охладил мой пыл, дав понять, что на дворе ноябрь, а я не птица. Проказник-борей быстро показал мне, кто в доме хозяин, заставив открыть глаза и понестись вслед за удаляющимся беретом. Мила стояла и хохотала. Раскрасневшись от беготни за головным убором, который возомнил себя колобком и никак не желал пасться мне в руки, я тоже хохотала, натягивая беглеца на его законное место и испытывая поистине детское веселье и счастье. Как же давно я не смеялась вот так громко и непринуждённо, по пустякам, которые были сейчас самыми важными в жизни.

— Кстати, а где же обещанное мороженое? — вдруг вспомнила я, глядя в улыбающиеся глаза подруги. — Мы же забыли про него!

И мы отправились на поиски сливочного чуда.

Конечно же, в парке мороженое уже не продавали, поэтому мы приютились в ближайшем небольшом кафе.

— Ну как ты себя чувствуешь теперь, дорогая? — спросила Мила, утирая следы молочной сладости с губ. — Жизненная сила прибавилась?

— Я уже давно не чувствовала себя так легко и радостно, — честно призналась я, доедая свою порцию ванильно-клуб-

ничного счастья. — Я уже и забыла, как звучит смех. Забыла, как после него сил будто становится в два раза больше.

— И заметь, никакого допинга в виде кофе или алкоголя, — хитро подмигнула подруга. — Всего лишь ветер в облаках и маленькое удовольствие на тарелке.

— Это правда, — призналась я и всё же вздохнула. — Жаль только, что оно так недолговечно.

— Ничто не вечно, Анечка, но именно это позволяет нам по-настоящему ценить вот такие минуты истинной радости, как сегодня. Просто наполняйся ими.

Милана снова сияла, как начищенная до блеска посуда, а я опять не унималась с вопросами:

— Но почему же всё-таки в детстве энергии у нас намного больше? Нет, я понимаю: меньше взрослых забот и разочарований, не надо думать, чем оплачивать квартиру и что приготовить на ужин, как в принципе зарабатывать деньги, чтобы было на что этот ужин купить. Но всё же? Ведь и у детей тоже много маленьких и кажущихся для родителей таких незначимых переживаний. Почему с возрастом мы не так быстро восстанавливаемся, как в детстве?

— Потому что к двадцати семи годам твой энергетический запас, данный тебе при рождении, истощается, — объясняла Мила.

— Как это? — Я застыла с открытым ртом в недоумении. — У меня что же больше не будет пополняться энергия для жизни? Откуда же она тогда у тебя? Ты всегда такая бодрая

и свежая, а я даже утром после сна, как сморщенный урюк. Почему?

— Я тебе уже говорила. Ты неправильно расходуешь свою энергию и не умеешь её восстанавливать. Всё, что тебе было даровано при рождении Вселенной и твоим родом закончилось, а новое, своё, ты не накопила.

— Но как же так? Ведь мне никто никогда не рассказывал о том, что энергия может закончиться и что, оказывается, её надо копить, — недоумевала я.

— Да, к сожалению, нам об этом не говорят. Такая информация долгое время считалась сказками и была запрещена, как антинаучная и неподлежащая доказательствам. Ведь людям тяжело верить в то, что они не могут потрогать руками или увидеть глазами. Эзотериков, передающих знания об энергиях и не физических телах человека, долгое время считали шарлатанами, а всё, что было связано с этой темой, — неправдой. Но сейчас всё иначе. Жизнь сама идёт навстречу и открывается со всех сторон. Теперь спокойно можно разговаривать на темы духовных энергопрактик, психосоматики и саморазвития не только сидя в кафе, как мы с тобой, — продолжая улыбаться, мелодично, как умела только она, говорила Милана, — а где угодно. Вот только не все готовы слушать и принимать эту информацию.

— Но почему?

— Закостенелость шаблонного мышления, вбитых с детства устоев не позволяют этого сделать. Вот представь, что

прожил человек сорок-пятьдесят и более лет, а теперь надо признать, что можно было жить иначе: свободнее, легче, радостнее, шире установленного кем-то восприятия. Многим становится обидно: легче считать, что новая информация — бред и шарлатанство, чем признать, что то, во что ты верил и считал безусловной истиной столько лет, не совсем является таковой, что мир глубже и выходит далеко за рамки видимого глазами. К тому же людьми, которые верят во что-то одно, намного проще управлять.

— Постой, но вот, например, Светкин дед — вполне себе активный старичок с хорошей памятью, весёлый и остроумный, хотя ему уже девяносто шесть лет! До сих пор может по памяти читать стихи Некрасова. Рождённый ещё в начале прошлого столетия и видевший Вторую мировую войну, он ни о какой эзотерике и не слышал. Откуда же в нём столько энергии до сих пор? Думаешь, он умеет её генерить?

— Хороший вопрос, — не стала спорить Мила и продолжила: — Таких людей поддерживает родовая система, из века в век намолившая и сохранившая энергию на несколько поколений вперёд. Уникальные случаи бывают. Много ли ты знаешь ещё таких людей? Можешь ли ты назвать Светино-го отца таким же бодрым и умеющим радоваться жизни, как дед?

Я призадумалась. Да, отец Светы никогда не отличался ни жизнелюбием, ни тактом, ни умом. Диванный лев — как зовёт его жена — предпочитает футбол и пиво. Поход на рабо-

ту для него уже подвиг.

Я понимала, о чём говорила Милана, родители моих друзей и знакомых уже были далеки от жизнерадостности и мудрости своих предков. Нет, многие из них были очень умными, образованными людьми с широким кругозором, некоторые спортивные (вот они, кстати, выглядели более бодрыми), но даже они абсолютно не хотели хотя бы предположить, что может быть что-то большее, чем наше физическое тело здесь и сейчас. Выросшие в эпоху материализма, они доверяли только тому, что можно увидеть или пощупать. Для них энергия — это количественная мера движения и взаимодействия всех видов материи. Она может быть механической, внутренней, электромагнитной, химической, ядерной, — да какой угодно, только не энергией радости, свободы, счастья и любви, что и составляет ядро самой жизни.

Те же, кто верит в Бога и, по сути, в то, что невозможно увидеть глазами, сосредоточились на выполнении церковного устава, а не на самой радости жизни. Веря в бессмертную душу, они всё равно упираются в догмы, прописанные в рамках той или иной религии, и не допускают многократное воплощение души в разных телах, как и существование иной жизни вне Земли. Мне же всегда казалось, что я живу не первый раз и что я вообще жила раньше не на этой планете. Но разве такое возможно?!

Отметая подобные мысли, зародившиеся во мне ещё в юности, я всё больше погружалась в суету жизни, проблемы

и сиюминутные эмоции, как будто закрываясь в коконе своих переживаний. Да, в общем-то, как и многие, живущие на Земле. Но сейчас вся эта информация рождала во мне прежний интерес к мирозданию и его многогранности. Я словно вспоминала то, что знала всегда, но почему-то забыла. И я действительно хотела разобраться во всём происходящем вокруг, но для начала надо было понять, откуда брать жизненные силы, если их пока хватает только на работу, обслуживание своего существования в бытовом плане и редкие встречи с подругами.

— Миланочка, пожалуйста, расскажи, откуда же брать энергию. Я не хочу больше ползать как полудохлая черепаха и прозябать в этом состоянии до старости. И почему вдруг энергия к двадцати семи годам истощается?

Меня по-настоящему заинтересовала эта информация. Я слышала о таком впервые. Хотя чему удивляться, многое из того, что делала или говорила Мила, я не знала. А ведь в детстве и в юности я была очень любознательной: изучала психологию, читала книги о карме, верила в реинкарнацию и Творца всего сущего. Как я умудрилась растерять свой интерес к жизни и к миропознанию?

— Всё дело в том, — начала Милана, — что, когда мы рождаемся, энергию нам даёт наш род и Творец (кто-то называет его Богом, кто-то Космосом, Истоком или Вселенной, сути это не меняет) как бы авансом. Потому что маленькие дети, ещё сами ничего не умеющие, должны многому на-

учиться: ходить, говорить, держать ложку в руках, читать и писать, думать и рассуждать, но главное, раскрыть свои таланты — ведь именно это наполняет больше всего. Заметь, радости их никто не учит. Дети умеют это делать непринужденно от рождения. Они хохочут от любого пустяка не потому, что ещё глупы, а потому, что их всё искренне восхищает, удивляет и забавляет. Для них жизнь — игра. Важно — не останавливать их в этом стремлении радоваться любому мгновению. Взрослея и познавая себя и мир, мы вспоминаем, кто мы на самом деле, учимся накапливать энергию в теле самостоятельно и открывать свой источник силы внутри. Или... не учимся — если упрямо не хотим ни во что верить и вспоминать, зачем воплотились, а только расходует оставшуюся энергию на ненужные обиды, зависть, алкоголь, страдания по прошлому и слёзы или бесконечное стяжательство. И удивляемся со временем, почему стало так тяжело просыпаться по утрам, почему нет ни на что сил или почему они быстро заканчиваются, списывая всё на возраст, экологию, внешние обстоятельства и неудачи.

Я всё ещё не совсем понимала, о чём говорит Милана, но внимательно слушала, пытаюсь разобраться.

— Клубы и веселье, например, — это не плохо, если понимать, зачем ты туда идёшь. Умение радоваться — это самый естественный источник твоей энергии, сохранившийся с детства. Но вспомни, была ли твоя радость при посещении клубов искренней и настоящей? Да, возможно, как только ты

туда приходила, восторг светился в твоих глазах, но потом эту радость подменял алкоголь, и она становилась уже мнимой, подкрепляясь внешним источником, а не твоим личным. Поэтому с выветриванием горячительного, уходило и ощущение душевной наполненности, оставляя только физическую слабость. Это иллюзорная энергия. Так же, как и наркотики и никотин дарят только имитацию счастья, временный обман мозга, к тому же ещё и истощают физическое тело в момент вывода токсинов. К сожалению, очень многие люди соглашаются жить в этой иллюзии вечно, считая именно её реальностью.

Я слушала Милану и снова понимала, что она права: мы не живём, а во многом просто имитируем жизнь. Мы пытаемся быть послушными детьми и, чтобы не огорчать родителей, строим из себя хороших девочек, идём учиться туда, куда хотят мать или отец; стараемся быть самыми лучшими на свете жёнами и часто изображаем удовлетворение, чтобы только не потерять мужчину; часто делаем то, что он нас ждёт, а не чего мы хотим на самом деле; одеваемся, чтобы быть более привлекательными, вместо того, чтобы быть собой; носим маски внимательных собеседников, хотя часто слушаем не для того, чтобы вникнуть в слова говорящего, а чтобы вставить своё мнение. И всё это из-за страха не быть лучшими, нужными, и не дай бог отверженными родителями, друзьями, коллегами или мужьями. Да, что греха таить: мы сами себя не принимаем настоящими. Мы готовы тер-

петь унижения и заниматься нелюбимым делом, лишь бы не остаться в одиночестве со своим несовершенством. Даже с друзьями мы часто общаемся не из общих интересов, а только чтобы на их фоне выглядеть или чувствовать себя лучше.

— Сейчас твоя задача не отчаиваться, а начать восстанавливать свои внутренние силы, — продолжила говорить Мила. — Для начала надо хорошо высыпаться, рано ложиться и рано вставать. Хорошо бы дышать по утрам, чтобы привести энергию в баланс и тонус. Конечно же, пить побольше воды и не переедать. Это не значит, что надо голодать или становиться вегетарианкой и жевать одну траву, нет-нет, дорогая. Все пугают этим, но это не так: правильное питание вовсе не мучка. Если научиться правильно и вовремя кушать, то можно есть всё, что хочется. И, конечно, нужно заниматься физическими нагрузками. Не спортом, заметь, а именно нагрузками, чтобы тело постоянно было в движении, чтобы мышцы сохраняли свою эластичность и подвижность, чтобы кровь стала проводником энергии по всему телу.

Вот как ты думаешь, почему многие люди всё раньше начинают жаловаться на здоровье: отсутствие гибкости, хруст в суставах, боли в спине, лишний вес и другие прелести?

— Мало двигаются? — предположила я.

— Точно. Большинство людей живёт без должного движения, кроме походов на работу или в магазин, в лучшем случае погуляют с ребёнком или собакой или поваляются на пляже в отпуске. Многие ли из твоих знакомых ведут актив-

ный образ жизни?

Я призадумалась. Вроде Мила говорила такие простые и банальные вещи, как еда, вода, правильный отдых и физическая активность, но выполняю ли всё это я? С утра я пью кофе, а не воду, спать ложусь поздно, встаю рано — но это вынужденная мера из-за работы. В выходные меня и пушкой не разбудишь. Про физнагрузки вообще молчу: спорт и фитнес не любила с детства, так же как и бег, и бассейн, в котором я всегда мёрзла. Исключением были только танцы, но танцевала я лишь в школьные годы. С рождения обладая отличной фигурой и не толстая, что бы ни ела, я настолько обленилась, что максимальная моя активность действительно превратилась в поход на работу и обратно, да в магазин. Нет, мы, конечно, выбирались с девчонками в музеи, театры или кино раз в месяц, но этого было явно мало. А гулять одной я и вовсе не любила: вечное чувство небезопасности, преследовавшее меня с детства, и абсолютное недоверие миру превышало желание оторвать свою пятую точку от дивана.

— Нужно больше гулять и двигаться и неважно как: танцевать или заниматься спортом, кататься на велосипеде, коньках, лыжах или ловить волну на сёрфе, покорять горы или просто гулять по городу — у каждого свой путь! Но главное, движение! Вот ты начала заниматься йогой — это уже здорово! Больше находишься на природе, слушаешь песню ветра, смотри, как летят облака или поют птицы, как играют дети, как они беззаботно смеются. Если ты закроешь глаза и про-

сто будешь слушать эти звуки, то услышишь, как много всего происходит вокруг в это самое мгновение здесь и сейчас. И ты — частичка всего этого. Твоё существование — петелька в кружеве мироздания. А что будет, если петелька порвётся?

«А и правда, что будет? Заметит ли хоть кто-то отсутствие маленькой петельки? Вряд ли... Но ведь из-за одной крохотной ниточки начнёт расплзаться весь узор, разрастаясь в дыру... В дыру в сердце, в дыру в сплетении множества судеб. Так и разрушаются жизни по отдельности, утягивая невольно за собой и другие жизни, не осознавая этого, считая себя никчёмной, незаметной петелькой. А ведь каждая такая деталька — это капелька в бесконечном течении энергии жизни... Нет петельки — нет естественного потока, гладь мироздания превращается в реку из порогов и водоворотов, в лучшем случае, а в худшем, — в сливную канаву. И эти препятствия создаём мы сами, обесценивая себя, считая незаметной и ненужной частичкой...»

— Всё это, дорогая, и есть энергия жизни. Просто слушай и наполняйся ею, — продолжала Милана, врываясь вновь в моё сознание.

— И этого достаточно? — удивилась я тому, как всё просто.

— Чтобы просто продолжать существовать — да. Но ты же хочешь большего?! — хитро прищурившись, спросила Мила.

Я призадумалась: хочу ли я большего? Да, однозначно хо-

чу. Вот только в любом случае всё равно придётся прилагать усилия, без этого никак. И я готова на это. Только понять бы, в каком направлении двигаться.

Глава 5. Случайные неслучайности

Я заморгала ресницами, пытаясь разлепить глаза и сфокусировать внимание: где я? Затылок жутко ныл. Любая попытка пошевелиться разливалась боль

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.